

Испанцы

Священные земли инков

Альберто
Васкес-Фигероа

Современная классика приключенческого романа!

Библиотека приключенческого романа (Рипол)

Альберто Васкес-Фигероа

Испанец. Священные земли Инков

«РИПОЛ Классик»

1980

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)6-44

Васкес-Фигероа А.

Испанец. Священные земли Инков / А. Васкес-Фигероа —
«РИПОЛ Классик», 1980 — (Библиотека приключенческого
романа (Рипол))

ISBN 978-5-386-14513-2

Алонсо де Молина, отважный уроженец Убеды, не знал, что у судьбы на него удивительные планы. Волей случая, любознательный и талантливый в изучении языков испанец оказывается в самом сердце империи Инков. Само провидение указывает храбрецу путь. Алонсо де Молина для островитян – живое воплощение их великого Виракочи, создателя Солнца и Луны, отца всего сущего. Но нельзя пройти путь бога Инков, не забыв о пути простого человека. Окруженный аборигенами, на острове, полном опасностей, испанцу предстоит для себя решить, на какую из троп он должен ступить...

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)6-44

ISBN 978-5-386-14513-2

© Васкес-Фигероа А., 1980
© РИПОЛ Классик, 1980

Содержание

Предисловие автора к настоящему изданию	6
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Альберто Васкес-Фигероа **Испанец**

Священные земли Инков

Серия «Библиотека приключенческого романа»

Перевод с испанского Т. В. Родименко

© Alberto Vasquez-Figueroa, 1980

© Родименко Т. В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,

2021

* * *

Предисловие автора к настоящему изданию

Меня часто спрашивают, как я прихожу к решению написать определенную книгу и думаю ли обычно об удовольствии читателя, а также о возможном коммерческом успехе, который изначально предполагает тема, или просто потому, что мне так захотелось.

Я всегда отвечаю одно и то же: конечно, я потакаю своему желанию, хотя при этом уточняю, что в моем случае его следовало бы считать чем-то вроде физиологической потребности.

Когда я начал писать – тридцать два года тому назад, – у меня и в мыслях не было, что это станет делом, которое позволило бы мне хотя бы сводить концы с концами, и поэтому я всегда считал это занятием для собственного удовольствия, занятием, от которого нечего ждать, кроме удовлетворения, которое оно мне доставляет само по себе.

Помнится, в то время один старый издатель, когда как-то раз я изложил ему свой взгляд на это дело, сказал: «И правильно делаешь, что относишься к этому как к простому развлечению, потому что вероятность того, что в нашей стране кто-то может заработать на жизнь пером, равна как минимум одной десятиллионной...»

А когда я его спросил, как он пришел к такому пессимистическому заключению, он убежденно ответил:

– Да очень просто: когда кто-то хочет стать врачом, конкуренцию ему составляют врачи – дипломированные и здравствующие – того города, в котором он живет... И в очень редких случаях – какой-нибудь иностранный специалист. То же самое происходит с архитекторами, инженерами, банкирами и даже политиками. А вот тебе составили бы конкуренцию все умершие писатели, ведь если я окажусь перед выбором: издать ли Толстого, которого всегда продашь, или тебя, которого никто не знает, – я предпочту Толстого. Кроме того, тебе составят конкуренцию все здравствующие писатели любой национальности, потому что в книжном мире не существует таможенных ограничений, и если выбирать между именитым писателем и тобой, я склоняюсь к тому, чтобы перевести того, кто уже добился успеха. И наконец тебе также составят конкуренцию все непрофессионалы мира, которые готовы печататься даром и даже заплатить из своего кармана.

Конечно, это был хороший совет, и я строго следовал ему, продолжая писать просто ради удовольствия, как вдруг, спустя двадцать один год, когда я худо-бедно опубликовал четырнадцать книг, публика решила мне помочь жить тем, что больше всего мне нравится.

И тут я понял, что читатели встали на мою сторону, а, следовательно, вот они, правила игры: я должен и дальше сочинять в свое удовольствие, а там они сами решат – принимать мое сочинение или нет. Изменить подход, любым способом стараться угодить значило бы лишиться их доверия и предать себя самого.

Признаюсь, мне случалось все-таки поддаваться искушению, но в результате я всегда терпел неудачу и поэтому уже давно пишу только то, что мне нравится, – как в данном случае, с Испанцем, историей, которая заинтересовала меня до такой степени, что двадцать с лишним лет назад я произвел на свет весьма посредственную театральную пьесу, посвященную беспокойной судьбе капитана Алонсо де Молины.

Меня привлек не только персонаж – слегка сумасшедший искатель приключений, бунтарь и интеллектуал, – но еще и место, где развивались события, – величественные пейзажи перуанских Анд и их города из камня, а также любопытная историческая эпоха, в которую все это случилось, – годы, предшествующие Завоеванию, когда произошла встреча настолько несхожих цивилизаций, что она не могла не вызвать сильного потрясения.

Хотя идея вертелась у меня в голове уже два десятилетия, я, наверное, никогда не считал себя достаточно подготовленным, чтобы отважиться на роман с историческими и географическими коннотациями, связанными с бесконечными трудностями, пока, наконец, не пришел к

заклучению – в тот день, когда мне стукнуло пятьдесят, – что если, отмотав полвека, не рискую взяться за это дело, то уже никогда и не решусь.

В результате, после многочисленных исследований и многочисленных путешествий в Перу, появилась эта книга, которая теперь попала в руки читателям, однако уже не важно, будет ли она пользоваться успехом у критики и публики, потому что сам процесс ее создания доставил мне огромное удовольствие, а, как утверждал упомянутый старый и дорогой издатель, в действительности лишь это и имеет значение.

Писательство, как и любовь, подобно идеальному кругу, который не нуждается во внешних элементах.

...но дай бог, чтобы вам понравилось!..

Альберто Васкес-Фигероа

*Посвящается Карлосу Аресу, галисийцу по призванию.
Вот там начинается путь в Панаму, чтобы навеки погрязнуть в нищете и позоре... А вот тут – в неизведанное, к новым испытаниям или к завоеванию новых земель, к славе и богатству. Пусть каждый выберет, как подобает доброму кастильцу, что ему больше по душе...*

В его памяти вновь возник трагикомический образ: изнуренный и зачуханный старик с всклокоченной седой бородой, с пылающим лицом, на котором застыло выражение отчаяния – результат долгих лет голода, болезней и нищеты, – и при этом его пронизательный взгляд лучше любых слов говорил о том, что несмотря на все невзгоды, предательство и враждебность, с которыми ему пришлось столкнуться с самого детства, он по-прежнему – практически уже на склоне жизни – остается самым отважным и упорным из эстремадурских капитанов.

Затупленным концом своего щербатого меча старик только что начертил линию на песке, и вид проржавевших доспехов, болтающихся на костлявой груди, которая смахивала на разваливающуюся корзину из высохших ивовых прутьев, вызвал у него приступ щемящей жалости: вот они, останки бывшего величия, – и, тряхнув головой, он постарался отогнать от себя тоскливую мысль о том, что вот и настал час, когда кто-то отправит в сумасшедший дом этого старого и уставшего воителя.

А тот ждал там, по ту сторону глубокой борозды, в его горящем взгляде читался вызов, и стоял он твердо, будто скала, на своих тощих, как у аиста, ногах, слегка сутулясь под грузом прожитых лет и страданий, и три белые пряди жидких волосенок дерзко выбились из-под выдавшего вида шлема, который больше напоминал убогую кухонную кастрюльку, нежели головной убор военного человека.

Вон куда их занесло; несомненно, это и есть конец самой бессмысленной авантюры последней центурии, и все же изможденный оборванец – в чем только душа держится – продолжал слепо настаивать, что на никем не изведенном юге их ждут слава и богатство, тогда как, вернувшись домой, они вновь встретятся с несчастьями.

По толпе измученных людей, наблюдавших эту сцену, прокатилась волна недовольного ропота.

Алонсо де Молина посмотрел на своего капитана, а тот, в свою очередь, посмотрел на него, словно желая загипнотизировать, – и отвел взгляд, зная, что он способен убедить его, не произнеся больше ни слова.

Затем старик повернулся к Бартоломе Руису¹, словно тот и правда был его последней надеждой, и, поколебавшись несколько секунд, отважный андалузский штурман, сделав три широких шага, пересек нелепую черту.

¹ Руис, Бартоломе (1482–1532) – испанский мореплаватель и конкистадор. Был кормчим у Христофора Колумба, позже

За ним шагнули еще несколько человек, а затем и Алонсо де Молина, который сам толком не понял, что его толкнуло на подобный шаг и каким он стал по счету, пятым или шестым, потому что с тех пор миновало уже больше года, детали потеряли значение, и наверняка уже никто не вспоминает, что там произошло на пустынном острове Эль Гальо и сколько было их – мечтателей, в очередной раз доверившихся сумасбродным фантазиям старого Писарро².

Все уже давно вернулись на север, в нищету и покой своих домашних очагов в Панаме, Санто-Доминго, Испании или Никарагуа, а он, вероятно, единственный человек, в чьих ушах до сих пор звучат слова незадачливого капитана, рассчитывавшего завоевать гигантскую империю, опираясь лишь на горстку голодных безумцев.

Если бы тогда, в то хмурое утро, он представлял себе то, о чем сейчас начал догадываться – в отношении размеров и мощи империи, которую Писарро упорно пытался захватить с помощью своего поредевшего войска, – патетическая сцена показалась бы ему еще более нелепой, и он испытал бы не жалость и восхищение последним всплеском отваги своего неумного предводителя, а рассмеялся бы прямо тому в лицо, чтобы сбить с него эту идиотскую самоуверенность.

– Кортес³ же смог.

Да он уже тысячу раз слышал этот тщеславный довод и еще тысячу раз прибегал к нему сам – чтобы убедить себя или убедить сомневающихся, – но теперь считал его вконец исчерпанным: сколько можно? – и смехотворным. И с каждым разом он представлялся ему все более несостоятельным, чем дальше он проникал в глубь этого мифического королевства, о котором рассказывали одни небылицы.

То были другие времена, и другие люди сопровождали Кортеса в его авантуре в мексиканских землях, а главное – они там наверняка имели дело совсем с другим народом, ведь невозможно даже себе представить, чтобы с таким ничтожным войском он сумел бы хотя бы слегка потревожить такую организацию, как инкская.

Он обвел взглядом толстые стены просторного помещения, в котором провел ночь, и вновь восхитился великолепной техникой обработки камня: каждый был подогнан к соседнему с математической точностью, – совершенно очевидно, что даже самым прославленным итальянским каменотесам ни за что не достигнуть подобного мастерства.

Затем он вспомнил великолепие города Тумбеса; колоссальные инженерные сооружения оросительной системы прибрежных равнин, а еще утонченную красоту керамики, тканей и украшений – и снова пришел к заключению, что ни Кортес, ни Альварадо⁴, ни Бальбоа⁵, и ни один из современных великих капитанов не отважился бы даже на попытку завоевать империю вроде этой.

И тем не менее он был уверен, что упрямый Франсиско Писарро еще вернется.

Чтобы в очередной раз столкнуться со своей злосчастной судьбой – кто бы сомневался, – но при этом, как всегда, решительно настроенный одержать великую победу, в чем небеса ему упорно отказывают. Невольно поверишь, что в его жилах течет не красная кровь, как у доброго христианина, а черная отрава, ибо такой человек ляжет в могилу не раньше, чем огнем и мечом впишет свое имя в память человечества.

В его возрасте старикам там, в Убеде, только и требуется, что луч солнца по утрам да стакан доброго вина в середине дня, ну еще скамейка у входа в дом, чтобы впитывать взглядом

принимал участие в завоевании Перу.

² Писарро, Франсиско (1471/76–1541) – испанский конкистадор, завоеватель империи инков, уроженец города Трухильо в Эстремадуре.

³ Кортес, Эрнан (1485–1547) – испанский конкистадор, завоевавший империю ацтеков в Мексике.

⁴ Альварадо, Педро (1485–1541) – один из предводителей испанских конкистадоров, завоевавших Центральную Америку.

⁵ Нуньес де Бальбоа, Васко (1475–1519) – испанский конкистадор и первопроходец. Первым пересек Панамский перешеек и вышел к Тихому океану.

проходящих девушек и последние крохи жизни, а этот несгибаемый нескладный эстремадурец все еще стремится выиграть тысячу сражений, возвести сотню городов и завоевать для своего короля миллион покорных подданных.

Да, Писарро вполне способен бросить вызов смерти и побороть ее, если от этого зависит, оставит ли он свой след на земле или нет.

Алонсо де Молина, который родился в благополучной семье и в юности был окружен любовью и заботой родных: мало того, что они пошли на жертвы ради того, чтобы оплатить его учебу в Севилье, Толедо и Риме, так еще и сумели смириться с тем, что он забросил книги и ввязался в военную авантюру, – тем не менее лучше многих понимал, что этот бедный неграмотный свинопас, незаконнорожденный сын дворянина сомнительного происхождения, как никто другой нуждается в том, чтобы выделиться среди современников.

Для Писарро завоевание империи уже стало единственной надеждой оправдать жизнь, от которой он получал лишь удары и унижения, а будущее не предлагало другого выбора, кроме полной победы или самого черного поражения.

Старик вернется, чтобы победить или умереть, только вот он, Алонсо де Молина, научившийся ценить старого брюзгу и упрямяца, не желает снова становиться свидетелем его несомненного провала.

Он услышал шум голосов в соседнем помещении, затем уверенные шаги, приближающиеся к толстой занавеске, и опустился на циновку как раз в момент, когда появился человек – приземистый, но с энергичным и надменным выражением лица, одетый в разноцветную туннику, сандалии из тонкой кожи; грудь пришедшего украшал отличительный знак «кураки»⁶.

Несколько секунд они молча рассматривали друг друга; на вновь прибывшего явно произвела впечатление внешность высоченного существа со светлыми глазами и густой бородой, хотя его, несомненно, предупредили, что она необычна.

– Я Чабча... – наконец произнес он, усаживаясь на каменную скамью и приваливаясь спиной к стене. – Чабча Пуси, курака Акомайо⁷, и меня прислали за тобой.

– И куда отвести?

Тот ответил не сразу, словно ему было нужно время, чтобы свыкнуться с тем, что странный человек говорит на его языке, да еще таким голосищем, который переполняет грохотом просторное помещение из темного отполированного камня.

– Чтобы отвести тебя в Куско, – все-таки ответил он. – Инка желает тебя видеть.

– Уаскар⁸?

– Разве существует еще какой-то?

– Я слышал, что его брат также претендует на трон.

– Атауальпа⁹ всего лишь его единокровный брат; незаконный сын без права наследования. Только снисходительность Уаскара помешала наказанию богов пасть на его нечестивую голову, однако терпению моего повелителя приходит конец.

– Ну, исходя из моих наблюдений, твоему повелителю надобно держать ухо востро, поскольку могущество его братца растет.

– Не думаю, что это твоего ума дело. Каково твое имя?

– Молина... Капитан Алонсо де Молина, уроженец Убеды.

Туземец снова какое-то время пытался привыкнуть к диковинному имени, которое только что услышал, и когда, по-видимому, твердо его запомнил, отчеканил в своей характерной бесстрастной манере:

⁶ *Курака* – политический и административный глава провинции в инкской империи.

⁷ *Акомайо* – одна из провинций в регионе Куско.

⁸ *Уаскар* (1491–1532) – двенадцатый правитель империи инков (с 1527 по 1532 год).

⁹ *Атауальпа* (1500–1533) – последний правитель империи инков (1532–1533).

– Так послушай меня, капитан Алонсо де Молина, уроженец Убеды... Не мне решать, являешься ли ты богом или простым смертным, прибывшим из очень далеких земель, однако кое-что тебе следует усвоить, если ты собираешься жить с нами в мире: верховная власть Инки не подлежит обсуждению, и тот, кто подвергает это сомнению, приговаривается к смерти.

– Так и ты послушай меня, Чабча Пуси, курака Акомайо... Я прибыл в твою страну, готовый признать власть ее правителя, кто бы он ни был, однако с того самого дня, когда я сошел в Тумбесе на берег, одни говорят мне об Уаскаре, а другие – об Атауальпе; одни хотят, чтобы я сопровождал их в Куско, а другие – в Кито; одни стремятся поклоняться мне как богу, а другие – забить камнями, словно пса... Как, по-твоему, я должен себя вести, если вы не показываете мне примера?

– Почему ты это сделал?

– Что именно?

– Остался в Тумбесе, когда твои товарищи вернулись в море.

Испанец долго смотрел на него, с наслаждением почесывая спутавшиеся усы – это действие, как он заметил, сбивало с толку безбородых туземцев, – и в конце концов лишь пожал плечами и покачал головой:

– Что и говорить, хороший вопрос, я и сам себе его частенько задаю... – заметил он. – Какого черта мне пришла в голову мысль остаться в незнакомой стране, когда все, что я люблю, находится далеко отсюда? – Он пожал плечами с непритворным безразличием. – Я пока не знаю точного ответа, но надеюсь его найти.

– Как ты выучился нашему языку?

– У тумбесских пленников, которых Бартоломе Руис встретил на дрейфовавшем плоту и привез на остров Эль Гальо. Языки мне всегда давались хорошо. В детстве я выучил латынь и греческий, в юности – португальский и итальянский, а уже в солдатах – немецкий и фламандский... – Он рассмеялся. – Впрочем, полагаю, что все это звучит для тебя, точно китайский...

Курака махнул рукой куда-то за его спину, в точку, где, по его предположениям, находился океан.

– Существует много стран за морем, откуда ты прибыл?

– Много, – ответил Алонсо де Молина. – Пожалуй, даже слишком, если судить по заварушкам, которые они устраивают... Разве у вас нет соседей, которые говорят на других языках?

– Есть, – подтвердил инка. – Но это всего лишь ауки, дикари без закона, порядка и бога, которые даже пожирают друг друга... – Несколько секунд он молчал, словно поглощенный какой-то мыслью, которая витала где-то далеко, слегка разгладил край своей туники (этот бессознательный жест он часто повторял) и внезапно, вероятно, приняв решение, чуть ли не прыжком вскочил с места: – Пора отправляться, – сказал он. – Путь неблизкий.

Снаружи было холодно.

Тем не менее на обочине дороги застыли в ожидании десятка два солдат и несколько терпеливых носильщиков, и хотя их бесстрастные лица с орлиными носами и раскосыми черными глазами редко когда выражали эмоции, было очевидно, что при появлении испанца некоторые из них встрепенулись, поскольку ужасающий облик бородатого великана, облаченного в сверкающий металл и вооруженного длинным мечом и «трубой громов», намного превосходил их представление о том, что им когда-либо доведется увидеть.

Алонсо де Молина твердо выдержал их взгляд и повернулся к своему сопроводителю:

– А где Динноухий-Узколиций и его люди? – поинтересовался он.

– Вернулись в Тумбес, – резко ответил тот. – А «длинноухий», «узколиций», как ты его называешь, это Чили Римак, прямой родственник моего повелителя Инки... Советую тебе проявлять больше уважения к лицам, в чьих жилах течет королевская кровь.

– Ну, крови у него было мало, – парировал Молина, не скрывая презрения. – А вот струхнул он не на шутку... Ему повсюду мерещились враги, а Хинесильо он к себе даже не подпустил, потому как тот черный...

– Черный? – недоверчиво повторил курака. – Черный человек... он черный?

– Как уголь. Хинесильо чернее камней стены.

– И чем же он красится?

Андалузец громко расхохотался, чем привел в волнение солдат и напугал носильщиков.

– Он не красится, – ответил он. – Делать ему больше нечего, осталось только краситься!..

Он таким родился.

– Это невозможно, – возразил туземец, уверенно покачав головой. – Я никогда не слышал о черном человеке.

– Ну уж коли желаешь убедиться, тебе нужно лишь спуститься в Тумбес – и ты его найдешь: кувыркается там с девчонками, те ему просто прохода не дают. Проклятый Длинноухий не хотел, чтобы он отправился со мной, не понимаю почему. Мы с ним уже давно не разлей вода.

Его собеседник выглядел озабоченным.

– Он мне ничего не сказал про черного человека, – пробормотал тот почти себе под нос. – В Куско тоже никому не известно о его присутствии. Гонцы говорили только о высоком, белом и бородатом человеке. Повелителе грома и смерти, однако о каком-либо... «черном» не было сказано ни слова. Ты уверен, что тебе не приснилось?

– Ой, ну хватит уже! – запротестовал Алонсо де Молина. – Еще немного – и ты меня разочаруешь. Неужели так трудно представить себе, что существует человек, у которого кожа того же цвета, что и твои волосы? – Он придвинул свое предплечье к предплечью инки. – Я вот белый, ты медного цвета, что странного в том, что кто-то родился более темным?

Чабче Пуси, кураке Акомайо, требовалось время, чтобы уложить в голове огромное количество сведений, которые приходилось переваривать в ускоренном порядке, и, в очередной раз разгладив край туники, он тряхнул головой и направился к ближайшему из своих людей, которому пробормотал что-то вполголоса.

Испанец воспользовался моментом, чтобы помочиться на чахлый куст, не подозревая, что своим поступком вызвал смятение среди людей, которые шептались за его спиной, гадая, бог он или простой смертный, – и окинул взглядом грязную пустыню, которая обрывалась у берега свинцово-серого моря. С тех пор, как они оставили позади последние пятна зелени, окружавшие Тумбес, пейзаж превратился в однообразную, сухую и бесплодную равнину, с вечно нависающим над ней мутным и пыльным небом, сквозь которое просачивался тусклый свет, размывающий контуры предметов.

Это было, без сомнения, самое пустынное и унылое место, которое ему довелось увидеть за тридцать с небольшим лет жизни, поскольку сухая пыльная мгла была совсем непохожа ни на пелену высоко в горах, ни на густой предрассветный туман в глуши сельвы, скорее уж это был вязкий и затхлый – словно безжизненный – воздух, в котором предметы, животные и даже люди, оказавшиеся запертыми на чердаке вселенной, являли собой тоскливое зрелище.

За исключением «тамбо»¹⁰, или небольшого форта, в котором он провел прошлую ночь, – черный и надменный, дерзкий и мощный, тот занимал стратегическую позицию у края дороги и держал под контролем небольшое ущелье, служившее проходом в длинную долину, которая, поднимаясь, тянулась до высокогорья, – все постройки, рассеянные по окрестностям, были сложены из высохшего необожженного кирпича, настолько рыхлого, что капли на него водой – и он растает, словно кусок сахара.

– Когда здесь последний раз шел дождь?

¹⁰ Тамбо – почтовая станция (кечуа).

Курака, который вновь подошел к нему, в то время как двое его подручных спешно зашагали назад – по дороге, ведущей в Тумбес, удивленно огляделся по сторонам, словно вопрос застал его врасплох, а затем отрицательно покачал головой:

– С тех пор как Виракоча¹¹ создал море и землю, с этой стороны гор не выпало ни одной капли воды. Так были наказаны за злобность здешние жители, попытавшиеся забить его камнями. Он навеки их проклял, лишив возможности видеть голубое небо и благословения дождя.

Глядя на редких местных жителей, которые позже попадались им по пути, Алонсо де Молина пришел к заключению, что божье наказание было вполне заслуженным, поскольку те показались ему самыми грязными, пыльными, грубыми и отталкивающими из всех, что он встречал во время своих приключений в самых разных уголках планеты, и даже солдаты и носильщики Чабчи Пуси сторонились их, словно боялись или же те на самом деле были зачумленными существами.

Инка, по-видимому, тоже чувствовал себя неуютно в этих краях и, как только они входили в какую-нибудь грязную и вонючую деревишку, сухо прищелкивал языком, понуждая тех, кто нес его на плечах, двигаться бегом.

Испанец с самого начала отверг предложение проделать часть пути в паланкине не столько потому, что ему не нравилось кого-то обременять, сколько прислушиваясь к интуиции, которая подсказывала ему, что в подобных условиях он окажется беззащитным перед всякой неожиданностью.

Годы, проведенные в сражениях и засадах, приучили его постоянно держать ухо востро, и, как в Панаме, так и в Новой Гранаде, он не раз избегал гибели благодаря быстрой реакции и совершенно точно – своего рода шестому чувству, которое за десятую долю секунды предупреждало его о подстерегавшей опасности.

И вот теперь ему предстояло очень долгое путешествие по стране, куда до сих пор не ступала нога ни одного европейца; кто знает, какого рода опасности поджидают его за каждым поворотом дороги. Вот поэтому он и не собирался ехать в паланкине: не дай бог размякнет и ослабит оборону, ведь он умеет давать отпор неприятелю, стоя на земле, но никогда не пытался делать это, сидя в полутора метрах над землей.

Поэтому, проходя мимо крестьян с землистыми лицами и взглядом исподлобья, которые подобострастно склоняли голову перед процессией, но потом косились им вслед, пряча руки в складках своих широких одежд, он всегда принимал горделивый вид, крепко сжимая аркебузу, а рукоятка меча позвякивала о нагрудник сияющей кирасы.

Алонсо де Молина замечал и раньше, что его рост (почти на две кварталы¹² выше самого рослого туземного воина), вооружение, одежда, а главное, темная и густая борода наводили на туземцев ужас и почти так же сильно притягивали женщин, и вполне сознавал, что хотя здешний народ и кажется вполне себе мирным, будет нелишним постоянно помнить о том, что в решающий час он способен превратиться в страшного врага.

– Плохие люди! – презрительно процедил Чабча Пуси и в довершение сплюнул, когда они оставили позади одно из таких скоплений хижин, которое даже нельзя было считать человеческим сообществом. – Дурные люди, предатели и лентяи. Когда мой повелитель Уайна Капак¹³ был жив, он обязал их каждое полнолуние сдавать трубку блох, чтобы заставить их по крайней мере ловить паразитов. Они скорее позволят заесть себя заживо, лишь бы не утруждаться и не давить их. Когда все уляжется, я посоветую своему повелителю Уаскару снова ввести этот налог.

¹¹ *Виракоча* – бог-создатель мира в религии и мифологии многих андских народов.

¹² *Кварта* – старинная мера длины, равна 21 см.

¹³ *Уайна Капак* (1476–1527) – одиннадцатый правитель империи инков (с 1493 по 1527 год), отец Уаскара и Атауальпы, а также инкского полководца Руминьяуи.

– Ты хорошо знаешь Уаскара?

– Никто не осмеливается пытаться узнать Инку, – был неожиданный ответ, произнесенный приглушенным голосом, словно говоривший действительно боялся, что кто-то еще может его услышать. – Он ведет свое происхождение от Бога Солнца, а ведь известно, что тот, кто отваживается взглянуть прямо на солнце, рискует ослепнуть.

– Только не здесь... – заметил андалузец, кивнув в сторону бесцветного диска, который едва проступал сквозь густую, серую и пыльную атмосферу. – Не в этих местах, поскольку я никогда не видел сразу столько слепых и кривых... Чем это вызвано?

Собеседник остановился, пристально посмотрел на него, словно пытаясь что-то прочесть в его глазах, хотя было заметно, что их голубой цвет вызывает у него инстинктивное отторжение, и наконец опустил руку, чтобы расправить край туники, и едва слышно проговорил:

– Ты весьма наблюдателен. Я бы сказал, опасно наблюдателен. Нашим мудрецам потребовались годы, чтобы обнаружить, что здешний народ боги неоднократно подвергают высшему наказанию слепотой, однако ты заметил это, стоило тебе пройти мимо... Почему?

Алонсо де Молина широко улыбнулся, обнажив все свои зубы:

– Наверно, все дело в том, что мой дед, которого я обожал, ослеп, когда я был ребенком, и это впечатление навсегда врезалось мне в память... В Альмерии, недалеко от того места, где я родился, люди тоже обычно страдают из-за зрения. Неужто это угрожает безопасности Империи – то, что я обращаю на это внимание?

– Шпионы обычно на все обращают внимание.

– Но избегают обсуждать... – рассмеялся испанец. – Это может стоить им жизни...

Он собирался еще что-то добавить, но тут его прервал внезапный переполюх среди идущих впереди солдат: послышалось растерянное бормотание, колонна остановилась и пропустила офицера, который приблизился к ним с сокрушенным видом.

– Зеленая змея пересекла дорогу с севера на юг, – со всей серьезностью доложил он. – На голове у нее было два белых пятна.

Чабча Пуси, курака Акомайо, выглядел весьма встревоженным и в тон ему серьезно и озабоченно спросил:

– Какого она была размера?

Офицер, немного поколебавшись, раздвинул руки в стороны, отчего инка еще больше нахмурил брови, а затем отрывисто приказал:

– Мы задержимся до тех пор, пока солнце не достигнет зенита и не начнет спускаться.

Он уселся в паланкин, поставленный носильщиками на землю, и собрался дожидаться указанного времени, а Алонсо де Молина опустился рядом с ним на корточки и с недоумением спросил:

– Ты и правда думаешь задержаться из-за подобной чепухи?

– Чепухи? – с удивлением переспросил курака. – Нет приметы хуже, чем змея, переползающая дорогу с севера на юг, когда идешь в Куско... С моей стороны было бы безумием не остановиться...

– Проклятие! – воскликнул пораженный андалузец. – В Убеде старухи и недоумки пугаются, когда черный кот перебежит им дорогу, а при виде «подкольной» даже мужчины часто чертыхаются и произносят заклинания, но чтобы из-за этого устраивать привал посреди пустыни – просто уму непостижимо.

– Время можно нагнать, но никому не дано вернуть утраченную милость богов. У них есть определенные правила, и мы должны им следовать.

Судя по всему, он не был настроен продолжать разговор на эту тему, так это понял испанец, и потому ограничился тем, что привалился к камню, погрузившись в созерцание бесплодной и мрачной пустыни. И тут заметил копошившихся вдалеке местных жителей: те безо всякого энтузиазма рыхлили сухую землю грубыми деревянными орудиями.

Устав наблюдать за их бестолковой работой: ну ведь ясно же, что каменистая почва вряд ли одарит их урожаем, – он произнес вслух:

– Чем это они занимаются? Почему бы им не покинуть эту дыру? На севере плодородной земли хоть отбавляй, да и там, наверху, в горах, наверняка найдется не столь неудобное место. И охота им сдохнуть от отвращения в таком аду?

Инка повернулся к нему и, судя по всему, ему потребовалось какое-то время, чтобы переварить сказанное испанцем. А затем сказал, словно о чем-то естественном:

– Эта земля определена для их племени, и никому не позволено покидать ее без разрешения. Кто сумел бы управлять страной, если бы жители перемещались, как им угодно, и селились на землях других людей? Кто накладывал бы на них обязательства, взимал бы налоги или выдавал продукты тем, кто имеет на них право?

– Выходит, здесь никто не свободен?

– Свободен? – переспросил курака. – Птицы небесные да звери лесные вольны бродить, где вздумается, однако в наказание их лишили высшего блага – присутствия Сына Солнца. Вон ауки по ту сторону границ бродят себе по джунглям, но мы их покоряем, потому что наша сила в том, что мы всегда исполняем приказы Инки. «Он» делает нас свободными, а вне его закона существует лишь хаос, поражение и рабство. Любой народ, желающий властвовать, сначала должен научиться покоряться власти.

– В таком случае... – заметил Алонсо де Молина скорее себе самому, чем кому бы то ни было, – не думаю, что наше господство над землями, завоеванными в Новом Свете¹⁴, – это надолго, потому как если и существует народ, которому не нравится, чтобы над ним кто-то властвовал, так это мой.

С наступлением вечера на вершине дальней горки замаячило новое каменное тамбо, и пришлось ускорить шаг, чтобы добраться до него до наступления темноты; эти небольшие крепости, судя по всему, были воздвигнуты с учетом расстояния, которое путник мог не спеша преодолеть за день, а время, которое они выжидали, пока развеются злые чары змеи, нарушило ритм движения.

Когда они дошли до цели, охрана уже развела огонь и готовила единственную за день пищу: жидкую кукурузную кашу, немного сушеного мяса и странные клубни с грубой кожурой и мучнистой сердцевиной, которые жарились прямо в углях костра.

– Ну вот только этого нам и не хватало!.. – запротестовал Антонио де Молина, с отвращением сморщив нос при виде этих толстых шаров с обгоревшей кожурой. – Я в жизни не ел угля, и, по правде сказать, мой организм просит чего-нибудь более существенного после долгого перехода... – Он показал на высокие вершины гор, которые были видны уже совсем близко. – А что, разве нет другой дороги, чтобы добраться до Куско? – прибавил он. – Я ведь житель равнины, а взбираться по кручам – это для коз.

Чабча Пуси, курака Акомайо, сидевший рядом, ответил ему с легкой улыбкой, которая в нем, человеку в общем серьезном и сдержанном, сразу становилась заметной:

– Нет. Другой дороги нет, потому что Куско основал Инка Манко Капак¹⁵ возле ворот на небо, где живет его отец. Нам придется одолеть много гор, чтобы добраться до Куско.

Неуверенно куснув один из горячих и ароматных шариков, Молина спросил, почти боясь услышать ответ:

– И сколько времени нам понадобится?

¹⁴ *Новый Свет* – название заатлантических земель, данное им первооткрывателями в противопоставление Старому Свету, то есть уже известным землям.

¹⁵ *Манко Капак* – первый правитель и основатель цивилизации инков, живший предположительно в начале XIII века.

– Это будет зависеть от твоих ног, а также от дождей: переполнят они реки, срывая мосты, или нет... Возможно, со следующей полной луной мы туда и доберемся. Нет ничего прекраснее, как оказаться в Куско в полнолуние и полюбоваться городом в ее свете...

– Месяц! – ужаснулся андалузец. – Ты хочешь заставить меня целый месяц шагать по этим горам? Да ты спятил!

– Нет, – ответил тот совершенно серьезно. – Я не спятил. А если ты не хочешь шагать, мои носильщики понесут тебя на плечах.

– На плечах! Кому придет такое в голову? Если бы по крайней мере у меня была лошадь!

– Была что?..

– Лошадь.

– Что это такое?

– Животное. Животное, у которого четыре ноги, как у лам или викуний, но оно больше. Вбираешься на него, и оно тебя везет...

Туземец взглянул на него искоса, взял один из черных шаров и, начав чистить кожуру, заметил:

– Не существует такого большого животного, чтобы оно могло переносить на себе человека.

– Как это не существует? Даже двоих!.. И пятерых... Как-то раз через Убеду проезжали цыгане, у них был слон – такой высокий, как эта стена. Он мог запросто перенести полдюжины.

Чабча Пуси неторопливо прожевал и, не повышая голоса и без какой-либо особой интонации, проговорил:

– Это ложь.

Антонио де Молина инстинктивно схватился за рукоятку меча; это привело к тому, что воины, сидевшие на корточках вокруг огня, тут же кинулись к своему оружию, однако начальник остановил их примиряющим жестом и спокойно заметил:

– Прости, если я тебя оскорбил, но ведь это ты пытаешься меня оскорбить, желая заставить меня поверить в подобную историю. Животное ростом с эту стену, которое переносит на себе шесть человек!.. Где это видано?

Испанец, которому потребовалось значительное усилие, чтобы успокоиться и осознать опасность, которой он избежал, после некоторого размышления обвел долгим взглядом солдат, ни на секунду не спускавших с него глаз, и с неожиданной серьезностью сказал:

– Послушай, Чабча Пуси, курака Акомайо!.. Нам придется провести вместе много времени, меня интересуют обычаи твоей страны, а тебя – моей. Поэтому самое верное, что мы можем сделать, это заключить соглашение: когда мы не захотим отвечать на какой-то вопрос, то и не будем этого делать, но если ответим, пусть это будет чистая правда.

– Согласен.

– Уверен?

– Полностью... Ты – бог Виракоча или нет?

– Это один из вопросов, на который я пока предпочитаю не отвечать.

– Твое право... – Инка указал на аркебузу, которая была прислонена к стене. – Правда ли, что «труба громов» может убить человека с расстояния в сто шагов?

– Это так.

– Что же тогда ты пытаешься отрицать, что ты Виракоча, если владеешь громом и смертью?..

– Я ничего не отрицал: просто пока не стал отвечать.

– Ладно... Ты настаиваешь, что в твоей стране существуют такие большие животные, как ты говоришь?

– Настаиваю... Лошади служат для того, чтобы передвигаться на них из одного места в другое или тянуть за собой повозку.

– Тянуть что?

– Повозку. Не знаю, как это назвать на вашем языке. Паланкин с колесами.

Немного поколебавшись, инка спросил:

– Что такое колесо?

– Колесо – это колесо!.. Такая круглая штуковина с дыркой посередине, через которую проходит ось и крутит...

Он остановился, внезапно осознав, что за время своего долгого пребывания в Тумбесе не встретил ни одного средства передвижения, в котором бы использовалось колесо. У него возникла смутная догадка, однако он отбросил ее как нелепую.

– Да быть того не может! – воскликнул он, рубанув рукой воздух.

– Чего такого не может быть?

– Да чтобы такая развитая цивилизация – и не знала бы об использовании колеса.

– Круглой штуковины с дыркой посередине, через которую проходит ось и крутит?.. Мне она не кажется чем-то важным... – с видимой досадой произнес курака. – Для чего она служит?

– Для того, чтобы перевозить поклажу. С помощью колеса человек может передвинуть груз, в десять раз превышающий тот, что он перенес бы обычным способом.

– Не правда.

– Снова начинаем?

– Извини, но ты хочешь, чтобы я верил всему подряд...

– Это обычные вещи... Ты же хотел, чтобы я поверил, будто эти шары, смахивающие на обгоревшие ослиные «орешки», можно есть, и видишь... Можно! После третьей привыкаешь и обнаруживаешь, что это вкусно... Как, говоришь, они называются?

– Картофель. В горах это наша главная еда, а когда они замерзают на ледяном ветру, могут храниться годами.

– Ну вот... Твой картофель может пользоваться успехом там, откуда я приехал, как лошади и колеса в твоей стране!..

Инка долго смотрел на него, словно желая проникнуть в самую душу, нахмурился, в очередной раз расправил край туники и наконец, качая головой, словно признавая безграничность своего невежества, сказал:

– Ты странный человек. Странный и сбивающий с толку. Наполовину человек, наполовину бог, словно Виракоча во время своего долгого путешествия за море зачал ребенка смертной женщине. Уходя, он пообещал вернуться или же прислать своих потомков, правда, не упомянул о том, что они будут только полубогами.

Молина улыбнулся и похлопал себя по колену, демонстрируя дружелюбную снисходительность:

– Ладно! – сказал он. – Давай поговорим о твоём боге Виракоче. Хочу, чтобы ты мне все рассказал. Откуда он пришел, что совершил и почему ушел.

Казалось, Чабча Пуси все еще опасался подлинных намерений испанца или боялся, что тот собирается над ним посмеяться, и все-таки после некоторого колебания ответил:

– Виракоча – Высший Творец, Создатель Вселенной. Он дал жизнь растениям, животным и людям, которым оставил в наследство свое творение, попросив их любить друг друга. Однако вскоре вспыхнули раздоры и ненависть, и в наказание он наслал проливные дожди, которые затопляли мир девяносто дней и девяносто ночей и от которых спаслись только трое самых праведных. Затем Виракоча вернулся, но жители Кача его не узнали и попытались убить, забросав камнями. Поэтому он их проклял и на озере Титикака создал еще и Солнце, и его детей, Инков. В конце он снова сел на большой корабль и уплыл по морю, по которому приплыл, пообещав вернуться. Отсюда его имя: Виракоча значит «Морская пена».

– Я знаю похожую историю, – согласился Алонсо де Молина. – О другом народе, которого Создатель тоже наказал потопом, от которого спаслись лишь немногие, а затем послал

им своего сына, в которого они швыряли камнями и убили. Но он обещал вернуться и многие ждут его до сих пор.

– Его тоже зовут Виракоча?

– Что за важность, как его зовут? Идея та же, история повторяется. – Он поднял голову и в упор взглянул на собеседника. – Почему твои люди уверяют, что я Виракоча?

– Потому что ты прибыл по морю на корабле с белыми парусами, у тебя тоже длинная борода, ты очень высокий и носишь металлическую одежду.

– Любопытно! – пробормотал испанец себе под нос. – Весьма любопытно, и хотел бы я знать, что сказал бы адмирал Колумб, услышав эту историю... Хорошо! – добавил он, вставая. – Выйду немного подышу и сделаю кое-какие дела, для которых даже отпрыскам Виракочи требуется уединение. – Он показал рукой на горку картофеля, который еще оставался. – Ужин был великолепный, аппетитный и познавательный...

Он с удовольствием вбирал в легкие свежий ночной воздух после духоты, царившей внутри тамбо, удаляясь на несколько метров от большого костра, который часовые развели перед входом. Отложив в сторону меч и аркебузу, снял с себя нагрудник и кольчугу и хотел было опуститься на корточки, как тут бесформенная тень, притаившаяся во мраке, медленно двинулась к нему, чем вынудила его вскочить и схватить в руки оружие.

– Проклятье! – воскликнул он. – Даже справить нужду спокойно не дают... Кто идет?

К двинувшейся вперед тени присоединилось еще несколько. Несомненно, это были человеческие существа, хотя и представлявшие собой почти фантазмагорическое зрелище: безмолвные, сероватые и нечеткие.

Он обнажил меч и принялся угрожающе им размахивать; тот посверкивал в слабом свете костра.

– Стой! – крикнул он. – Еще шаг – и я не отвечаю. Если кто приблизится, всажу...

На несколько мгновений среди незваных гостей возникла паника или смятение, и они встали как вкопанные, однако вскоре послышалось шушуканье, и они вновь задвигались и выступили на свет костра.

Алонсо де Молина с изумлением обнаружил, что это женщины: горстка чумазых и растрепанных туземок отталкивающего вида; по мере приближения те все выше задирали замызганные одежды, выставляя напоказ свои срамные места. Некоторые вдобавок прищелкивали или издавали другие странные звуки, быстро двигая языком, и на несколько секунд испанец так растерялся, что не мог сообразить, что делать: то ли пустить в ход меч, то ли хватать одежду и нестись с голым задом в крепость искать убежища.

Однако его спасло появление Чабчи, который начал швырять в женщин камнями, обзывая их «свиньями, отродьем Супая»¹⁶ и угрожая тем, что прикажет солдатам расплющить им головы палицами, если они тотчас же не уберутся с глаз долой.

Когда, наконец справив нужду, андалузец вновь появился в главном помещении тамбо, ему пришлось мрачно выдерживать насмешливые взгляды всех присутствующих, а курака ехидно заметил, хотя и без явного намерения его подколоть:

– Вероятно, они решили, что в твоём теле все соразмерно росту, и выслеживали тебя...

– Ну, они меня чуть было не напугали.

– Было бы хуже, если бы они тебя схватили. Почти все в этом племени – переносчики «заразы».

– «Заразы»? Что это еще за «зараза»?

– «Зараза» женщин. Знак, которым Супай, злой демон, отмечает своих приверженцев. Скрывает огонь в самой сокровенной части их тела, и после общения с ними член у мужчин покрывается язвами. Затем «зараза» распространяется по всему телу, покрывая его зловон-

¹⁶ *Сунтай* («тень» в переводе с кечуа) – в мифологии инков бог смерти, предводитель демонов и правитель подземного мира.

ными гнойниками, волосы выпадают клоками, многие теряют зрение и умирают в страшных мучениях.

– Святое небо! – воскликнул пораженный испанец. – Это умирляет любовные порывы посильнее преисподней, которой страшат священники. И не существует средства против этой напасти?

– Кое-кому из знахарей удастся вывести ее с помощью грибов и заговоров, но в большинстве случаев тот, кто имеет сношение с избранницей Супая, умирает описанным образом. Прежде чем притронуться к женщине, убедись, что она чистая, у нее не слишком много мужчин, нет гнойников, не выпадают волосы, а зубы держатся в деснах.

– Это будет выглядеть так, будто я покупаю осла у цыгана... – посоветовал Молина. – В Тумбесе у меня были отношения с шестью или семью женщинами... Откуда мне знать, были ли они приверженцами Супая или нет?

– В Тумбесе «зараза» встречается нечасто. Разве что среди проституток кто-то болен, но проституткам надлежит жить вдали от города, и они, как правило, имеют дело с часки¹⁷ и солдатами...

Ночью, вытянувшись на циновке в самом надежном помещении форта, Алонсо де Молина перебрал в памяти события этого насыщенного дня: сколько всего он увидел и услышал, – и снова пришел к заключению, что правильно сделал, попросив у Писарро разрешения навсегда остаться в королевстве, которое они только-только открыли и которое неистовый эст-ремадурец намеревался однажды завоевать.

Если неграмотный старик никогда – уже ясно – не устанет бороться и будет и дальше поддерживать неутолимый огонь своих устремлений, то ему, Алонсо де Молине, уроженцу Убеды, капитану и бакалавру, переводчику и бойцу передового отряда во всех военных походах, в которых он участвовал на протяжении богатой приключениями жизни, претила мысль о том, чтобы продолжать убивать, и не нужны ему ни богатства, ни земли, помимо тех, что ждут его дома, если когда-нибудь в отдаленном будущем он надумает туда вернуться.

Точно так же, как когда-то духовной пищей ему служили книги и языки, сейчас самое истинное удовлетворение доставляло путешествие по незнакомым странам, сознание того, что он первый европеец, у которого появилась возможность свободно раскрыть секреты Нового Света. Завоевывать и разрушать, подобно Кортесу и стольким другим испанским капитанам, многим из которых он когда-то даже составил компанию, у него больше не было желания: это было бы равносильно тому, чтобы повторно брать женщину силой.

Что хорошего в том, что он участвовал в дюжине сражений, поразил мечом сотню туземцев; по крайней мере, ничего такого, что может сравниться с ощущением, когда понимаешь, что ты, первый представитель своей расы, поднимаешься по крутой тропе, направляясь к самой высокой на Земле горной цепи, в центре которой расположился никому не известный священный город.

«Манко Капак построил его возле ворот на небо, где живет его отец...»

Слова сурового кураки все еще звучали у него ушах, а еще – рассказы тех, кто в Тумбесе уверяли, будто дворец Инки сияет золотом от крыши до основания, и, хотя золото совсем не пробуждало в нем алчности, оно подстегивало любопытство.

«Не носить тебе головы из-за своего неумного любопытства...» – бывало, говорил дед, устав отвечать на его вопросы, и хотя с тех пор миновало уже тридцать лет, оно по-прежнему не давало ему покоя, и жажда приключений, больше, чем стремление к славе или богатству, подтолкнула его пересечь Море-Океан и последовать за Писарро до богом забытого острова Эль Гальо.

¹⁷ Часки – гонец, скороход (кечуа).

Он уснул, представляя себе тысячу чудес, которые увидит собственными глазами, как только начнется восхождение на величественную кордильеру¹⁸, вздымавшуюся перед воротами тамбо, и проснулся, когда над самыми высокими вершинами забрезжил рассвет.

Пара часовых дремала, привалившись к стене, возле тлеющего костра, а вдали на огромных пиках заблестели вечные снега, отражая первые лучи солнца, которое, казалось, стремились появиться здесь поспешнее, чем где бы то ни было на планете.

Его завораживала быстрота, с которой появлялось и скрывалось солнце на этом континенте: еще в детстве он привык в компании деда наблюдать долгое наступление вечера, – а еще удивляло, насколько точно сутки делились на две равные части независимо от времени года, если вспомнить длинные-предлинные летние дни там, в полях Убеды, и нескончаемые зимние ночи в те годы, которые он провел во Фландрии.

Тут все было другое, и ему страшно нравились вечные неожиданности, которые постоянно будоражили его чувства, поскольку даже обоняние на каждом шагу открывало новые опьяняющие ароматы, а слух улавливал мелодии, зачастую такие непривычные, как вот эта меланхоличная флейта, которая зазвучала вдалеке.

Музыка долетала сверху, издалека, принесенная легким ветром, повеявшим с вершин: это было словно приветствие наступающему дню, и в этом приветствии слышалась надежда и одновременно печаль, пробуждение к жизни и каждодневному труду или реквием по длинной темной ночи, которая скончалась.

Он сделал глубокий вдох и внезапно ощутил, что этот влажный, чистый и напоенный ароматами воздух он искал с тех пор, как себя помнит.

«Это и есть мой мир, – подумал он. – Ради него я покинул дом».

Они начали восхождение, продрогшие до костей, но вскоре пот уже катил с него градом, и его поразило проворство этих неутомимых человечков, которые взбирались по петляющей крутой тропе с той же легкостью, с которой передвигались по равнине, в то время как ему с каждым разом было все труднее вдыхать воздух, который словно скудел по мере того, как становился чище.

Побережье окончательно осталось позади и, когда он останавливался перевести дух и оборачивался, чтобы бросить взгляд с края дороги, его восхищала совершенная четкость, с которой пустыня оказалась втиснутой между серым океаном и подножием горы, – словно это была грязная полоса детрита¹⁹, которую вздумалось провести Природе, чтобы отделить друг от друга два совершенно несхожих мира.

За поворотом ему открылась забавная картина: его спутники в полном составе ушли вперед и теперь, мокрые с головы до ног, под ледяными струями источника, бившего из камней, с наслаждением терли тело и одежду.

– Давай с нами! – преувеличенно бодро крикнул ему курака. – Нельзя, чтобы хоть одна частица пыли этой проклятой земли, пристанища Супая, сопровождала нас наверх.

Помыли даже сандалии – те, у кого они были, – и, словно именно здесь проходила граница между побережьем и горами, пересекли узкое ущелье, и пустыня и море навсегда остались позади.

Он на мгновение задержался, задрал голову к вершине горы, которая словно гладила небо своими снегами, и у него сжалось сердце – от тоски и от предвкушения: ведь он только что окончательно попрощался с прошлым и уже больше никогда не будет капитаном Алонсо де Молиной.

¹⁸ *Кордильера* – горная цепь, этот термин применяется обычно, когда заходит речь о горных хребтах – в частности о параллельных – Северной и Южной Америки.

¹⁹ *Детрит* – обломочный материал, состоящий из фрагментов раковин, скелетных частей животных или обрывков растений.

Когда к ним стал приближаться бегущий часки (разноцветные ленты, его знак отличия, трепетали на ветру), путники почтительно уступили ему дорогу, поскольку того, кто совершит тяжкое преступление: загородит ему проход, задержит или хотя бы заговорит, – ожидало весьма суровое наказание.

Часки жили в крохотных хижинах, расположенных вдоль главных дорог Империи, иногда довольно близко друг от друга, и их единственная задача состояла в том, чтобы днями и неделями терпеливо ждать появления товарища, который передаст послание слово за словом, и тотчас же пуститься в путь, снова и снова повторяя в уме текст, ничего в нем не меняя.

Таким образом новости и приказы могли преодолевать длинные расстояния за весьма короткое время, и Инка, сидя в своем дворце в Куско, всегда был в курсе того, что происходит на бескрайних просторах его обширных владений.

Однако на сей раз, когда с наступлением вечера они с более чем бесконечным терпением совершали восхождение по каменным ступеням лестницы, вырубленной в скале, гонец, бежавший из Тумбеса, не стал их обгонять, а прямо спросил Чабчу Пуси, отвел того на несколько метров в сторону и без запинки проговорил послание, которое ему поручили передать и которое он повторил в последний раз: после этого следовало тут же его забыть.

Лицо кураки, и без того бесстрастное, внезапно словно превратилось в каменную маску, и, отослав часки назад легким мановением руки, он долго размышлял, прежде чем нарочито медленно приблизился к испанцу и хрипло произнес:

– У меня для тебя плохие новости. Очень плохие... Чили Римак приказал убить твоего черного друга и превратил его в «рунантинья».

Алонсо де Молина чуть не потерял сознание: казалось, внутренности ему пронзили каленым железом, – и пришлось тяжело опуститься на ступеньку, не то бы покатился вниз по лестнице.

– Боже милосердный!.. – всхлипнул он. – Быть этого не может! Это невозможно!.. Этот бедный негр в жизни и мухи не обидел.

Он закрыл лицо руками, и ему пришлось собрать всю силу воли, чтобы его не видели плачущим, ведь они с Хинесильо не один год были неразлучны – в походах и приключениях, попойках и сражениях, в голоде, холоде и забавах с женщинами. Их связывала настолько крепкая дружба, что негр, не колеблясь ни секунды, последовал за ним, когда ему пришла безумная идея навсегда остаться в чужой стране. Он считал его больше, чем другом или боевым товарищем, практически братом, и тот был уже единственным звеном, связывавшим его с Испанией и всем, что составляло его прошлое.

Чабча Пуси, курака Акомайо, опустился на ступеньку выше и почтительно и сдержанно хранил молчание, по-видимому, сознавая, какое глубокое горе испытывает это странное существо, наполовину бог, наполовину человек. Когда тот поднял голову и спросил только: «Почему?» – инка пожал плечами и вытянул руки, повернув ладони вниз, словно желая показать силу своего неведения.

– Возможно, ему внушала страх его черная кожа; возможно, он приказал его убить из чистого суеверия или, возможно, пожелал иметь «рунантинья», которой больше ни у кого нет... В его жилах течет королевская кровь, поэтому одному лишь Инке он должен отчитываться в своих действиях.

– Что такое «рунантинья»?

Инка заколебался, но в конце концов с явным усилием и неудовольствием ответил:

– Это своего рода барабан; он изготавливается из кожи врагов, которые были важными... Самый ценный трофей воина.

– Вот мерзавец! – вскричал андалузец, прыжком вскочив на ноги и решительно устремляясь вниз по лестнице. – Я сдеру с него кожу на барабан, или я не Молина... Этот сукин сын у меня узнает, чего стоит жизнь христианина.

Курака, бросившись за ним вдогонку, с силой ухватил его за руку.

– погоди! – взмолился он. – погоди, не беги. Ты не можешь вернуться в Тумбес! Мне приказано привести тебя в Куско.

– Да пошел ты со своими приказами! – огрызнулся испанец. – Я собираюсь отрезать яйца этому мерзавцу Ушастому, и не вздумай мне мешать.

– Я сожалею! – сухо ответил туземец. – Мне приказано доставить тебя в Куско живым или мертвым.

Испанец окинул его презрительным взглядом и, резко отведя его руку, с силой толкнул на ступени.

– Оставь меня в покое, гадкий индеец! – крикнул он. – Вы просто шайка дикарей, и капитан Писарро был прав: вы понимаете только силу.

И снова ринулся вниз, перепрыгивая через ступени, и, когда спустя несколько минут заметил, что солдаты, все как один, со свирепым видом гонятся за ним, остановился, подготовил аркебузу и, тщательно прицелившись в самого первого, выстрелил.

Казалось, звук выстрела прогреготал тысячу раз, отразившись от стен гор: он, словно мяч, отскакивал от одной до другой, спускаясь в самую глубину узкого ущелья, и слился с отчаянным воем солдата, который, падая, стучался о выступы камней, пока не разбился у подножия высокого обрыва.

Отряд в ужасе застыл на месте, и Алонсо де Молина воспользовался передышкой, чтобы перезарядить аркебузу, но, видя, что никто не решается сделать ни шагу вперед, развернулся и поспешно продолжил свой путь в Тумбес.

Он шагал настолько быстро, насколько позволяли ноги, однако спустя два часа разряженный воздух высоты, к которой он не успел привыкнуть, начал угрожать разорвать ему грудь, и волей-неволей пришлось сделать привал и присесть на камень, потому что кружилась голова и накатывали приступы тошноты. Казалось, воздух с трудом поступает в легкие, а в руках ощущалась такая тяжесть, будто он держал не аркебузу, а пушку.

Прошло несколько минут, и из-за поворота вынырнул Чабча Пуси – и замер, увидев, что он целится в него из «трубы громов».

– Я не вооружен! – крикнул он, подняв руки вверх. – Не вооружен! Я человек мирный и желаю лишь с тобой поговорить.

– Мне не о чем разговаривать, пока не прикончу этого мерзавца, и, если хочешь остаться целым и невредимым, держись от этого дела подальше.

– Не могу! – посетовал тот. – Я понимаю, что ты прав, но не могу. Если я не доставлю тебя в Куско, это будет стоить мне жизни. Мне и моей семье. Таков здешний закон.

– Ну, не я же его устанавливал. Терпи, коли ты его принимаешь.

– Послушай!.. – взмолился туземец. – Ты не успеешь пройти и половину пути, как Чили Римак узнает, что ты его ищешь, и скроется из Тумбеса. Страна большая, ты его никогда не найдешь и добьешься лишь того, что тебя убьют его солдаты... Однако, если ты отправишься со мной в Куско и попросишь правосудия у Уаскара, убедив его в том, что один из его родственников подставил под удар безопасность Империи и вызвал гнев богов, убив без причины друга Виракочи, я тебе гарантирую... клянусь честью! – что мой Повелитель прикажет содрать с Чили Римака кожу живьем и ты сможешь пить чичу²⁰ из его черепа.

Алонсо де Молина долго смотрел на него, обдумывая услышанное, и наконец опустил оружие и прислонил его к скале.

– Ты хитрый лис... – проговорил он. – Грязный, чертовски изворотливый интриган, однако на этот раз, думаю, что ты прав, будь ты проклят. Однако обещаю, если твой хозяин не отдаст мне шкуру этого мерзавца, тогда я сдеру кожу с него самого, лоскут за лоскутом...

²⁰ Чича – кукурузная водка.

А сейчас оставь меня в покое, потому что я без сил. Хождение по этим треклятым горам кого хочешь вымотает.

Туземец не послушался – напротив, подошел ближе, доставая из кожаного мешочка, привешенного к поясу, горсть мелких зеленых листьев и небольшой кусок известняка.

– На, возьми! – сказал он. – Это снимет с тебя усталость.

– Ты что, пытаешься меня отравить?

Вместо ответа туземец сунул листья себе в рот и начал усердно жевать.

– Кока – это подарок, который сделал нам Виракоча, чтобы побороть голод, жажду, холод и усталость. Она растет по другую сторону кордильеры, и без ее помощи наши воины, вероятно, не смогли бы выиграть столько сражений... – Он вновь протянул ему листья. – Возьми же! – взмолился он. – Не отвергай пищу богов, а то мне придется поверить, что у тебя с ними нет ничего общего.

Вкус был горький и вызывал желание немедленно выплюнуть листья, но андалузец сделал над собой усилие, поскольку туземец ждал результата, и вскоре почувствовал, как его охватывает смутное ощущение эйфории и облегчения, он дышит полной грудью, а усталость покидает его тело, словно ее далеко-далеко уносит легкий ветерок. Он съехал с камня и оказался на земле, и тут им овладело неудержимое желание расхохотаться, хотя он был совершенно не расположен к веселью.

– Разрази меня гром! – воскликнул он. – Какая любопытная штука!.. Мне весело, я вижу все вокруг с предельной ясностью, цвета кажутся более яркими, а усталость как рукой сняло. Вот чудеса-то!.. Как, говоришь, это называется?

– Кока.

– Кока!.. – задумчиво повторил он. – И что это: дерево, трава или кустарник?..

– Куст, который растет в жарких долинах... Он произрастает сам по себе, хотя его можно выращивать на больших плантациях, но лишь по особому разрешению Инки.

– Инка, как я погляжу, держит все под контролем. Меня это не удивляет: если бы кока была известна в Испании, у императора наверняка было бы на нее исключительное право. Пресвятая дева! Я даже не хочу себе представить, какое состояние я бы нажил, засадив весь Хаэн картофелем и кокой... – Он с удовольствием сделал глубокий вздох и широко улыбнулся. – Боже, как прекрасно я себя чувствую!

– Меня это радует, – вкрадчиво произнес Чабча Пуси. – Меня радует, что ты чувствуешь себя бодрым и отдохнувшим, потому что мне надо сообщить тебе кое-что важное: смерть твоего друга – это не единственное известие, доставленное часки.

Алонсо де Молина пожал плечами.

– Мне все равно, – заявил он. – После известия о Хинесильо ничего из того, что ты можешь мне сообщить, не имеет значения. Я любил этого чертова негра, – жалобно проговорил он. – Я любил его как мало кого в этом мире, и не могу понять, как же это я мог допустить, чтобы негодяй Длинноухий-Узколиций убедил меня оставить его в Тумбесе. Совершенно ясно, что он собирался его убить, как только я уйду с «трубой громов»: вот она-то его на самом деле пугала.

– Но зачем ему понадобилось его убивать? – поинтересовался инка: он явно был озадачен.

– Не имею понятия. Хинесильо был просто неспособен кому-то навредить. Его интересовало только вино, карты и женщины.

– Он спал с какой-нибудь из женщин Чили Римака?

– Кто его знает? Не успели мы сойти на берег, как они принялись вертеть перед ним хвостом, и негр, который, насколько мне известно, был весьма силен по этой части, успел оприходовать где-то тридцать или сорок девчонок. Если он вдобавок не говорил на вашем языке, как он мог знать, что какая-то из них принадлежит Ушастому?

Курака задумчиво жевал свой шар коки и, когда наконец выплюнул в сторону зеленую и густую жижу, получившуюся в итоге, похоже, признал поражение.

– Ладно! – сказал он. – Это дело сможет выяснить лишь мой Повелитель, когда наступит время. Сейчас важно другое... Атауальпа приказал своим людям тебя схватить.

– Почему?

– Потому что кем бы ты ни был, все утверждают, что ты Виракоча или один из его сыновей, и Атауальпа, должно быть, считает, что, если ты встанешь на его сторону, будет больше вероятности свергнуть Уаскара, чем если ты окажешься противником. Когда Империя переживает такой сложный момент, поддержка бога... – и он со значением кивнул в сторону аркебуза, – и его «трубы грома» могла бы помочь окончательно достичь перевеса.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что из-за меня равновесие может быть нарушено?

– В настоящий момент да... – подтвердил курака. – Впервые в нашей истории кто-то осмеливается поставить под сомнение власть Инки, и это все меняет. При Уайне Капаке ты был бы всего лишь гостем, а сейчас представляешь угрозу, учитывая, что мы находимся гораздо ближе к Кито, где правит Атауальпа, чем к Куско, где находится Уаскар.

– Насколько ближе?

– В три раза ближе. Если идти форсированным маршем, можно было бы добраться до Кито чуть больше, чем за неделю, и это значит, что в настоящий момент мы находимся на территории, предположительно контролируемой Атауальпой.

– Предположительно?.. – с иронией повторил испанец. – Брось, не пытайся меня обмануть! Скажи-ка правду.

– Правду? – переспросил инка, коротко выдохнув. – А правда в том, что сейчас тебя разыскивают солдаты Атауальпы, и, поскольку я его знаю, могу предположить, что его приказ был категоричным: либо доставить тебя живым, либо принести твою голову.

– Примерно то же самое, что тебе приказал его брат, не так ли? Ну и семейка!.. И чего только они ко мне прицепились?

– Потому что ты камень, который перевесит чашу весов. Атауальпа – побочный сын, но он честолюбив и на его стороне принцы из семьи его матери²¹, как правило, люди мятежные и воинственные. Уаскар – первенец, он контролирует большую часть территории, да и закон на его стороне, однако он миролюбив, и его военачальники утратили навыки и обленились... Поэтому Руминьяуи²² перешел на сторону Атауальпы.

– А кто такой Руминьяуи?

– «Каменный глаз», одноглазый военачальник, но такой отважный и умный, что одно только имя его сеет панический страх. Если на трон сядет Атауальпа, начнется долгий период войн за расширение территории. Власть Уаскара означает мир и укрепление того, что было уже достигнуто.

– А ты склоняешься к миру?

– Я принимаю то, что прикажет Инка, но сам предпочитаю мир.

– Начинаю понимать: с Руминьяуи и со мной Атауальпа нападет на брата, отнимет у него трон и бросится завоевывать соседние племена. А скажи-ка мне, как собирается поступить Уаскар, когда мы прибудем в Кито?

– Представит тебя своему дяде Яне Пуме, Верховному жрецу, чтобы тот решил, Виракоча ты или нет.

– А в отношении Атауальпы?

²¹ По утверждению некоторых испанских летописцев (в частности конкистадора Хуана де Бетансосу, записавшего первую известную хронику Перу), мать Атауальпы была наследной принцессой Королевства Кито.

²² *Руминьяуи* (1490–1535) – военачальник империи инков.

– Утвердит его в качестве правителя Кито, хотя обяжет его распустить свои войска и присягнуть ему на верность.

– Не наказав его за нынешнее неповиновение?

– Как бы то ни было, Атауальпа остается кровным сыном Уайны Капака, а, следовательно, Солнца... Единственным наказанием, которое Атауальпа принял бы, не испытывая унижения, была бы смерть, однако никто никогда не осмелился бы убить Сына Солнца.

– Понятно... А еще понятно, что он пользуется тем, что у него неприкосновенность.

– Как видишь, положение сложное, и поэтому мой долг – доставить тебя живым и здоровым к Верховному жрецу... – Он многозначительно помолчал. – Или помешать тебе перейти на сторону Атауальпы.

– Ты не оставляешь мне особого выбора, – согласился испанец. – А что будет, если Верховный жрец придет к выводу, что я не имею отношения к Виракоче?

– Я этого не знаю.

– Точно не знаешь? Уверен, что не натянут мою кожу на барабан, как только что проделали с Хинесильо?

– Знатный иностранец, пусть даже не обязательно бог, может спокойно жить в Инкарии, и при этом его никто не будет превращать в «рунантинья». Не все здесь такие дикари, как Чили Римак.

– Полагаю, что мне придется подвергнуть себя такому риску, – кротко сказал испанец. – В конце концов, еще капитан Писарро меня предупредил, что, оставшись в Тумбесе, мы рискуем шкурой, хотя я и подумать не мог, что его предсказание исполнится прямо так буквально.

Он поднялся с места, взял аркебузу и изобразил воодушевленную улыбку.

– Вперед! – сказал он. – Куско ждет...

Холодная, темная и бурная река прокладывала себе путь между головокружительных каменных громад, ударяясь о скалы, таща за собой камни, обламывая ветви и производя оглушительный шум, который был слышен уже на вершине горы, а затем все время нарастал по мере того, как крутая и петляющая тропинка спускалась к ее руслу – великолепному каменному ложу из отполированного плитняка, которое могло бы считаться идеальной артерией, если бы не пороги, которые время от времени вдруг возникали при небольших перепадах высоты.

После четырех изматывающих дней похода, взбираясь по скалам, двигаясь по краю ущелий или пересекая заболоченные пустоши, Алонсо де Молина начал понимать, почему эта цивилизация не знала колеса – по крайней мере, не обращала ни малейшего внимания на его использование, – поскольку на этих дорогах с постоянными спусками-подъемами любая повозка очень скоро превратилась бы в громоздкую обузу.

С тех пор как море окончательно скрылось у них за спиной, пейзаж превратился в мир камня и снега, пугающий и одновременно завораживающий; до такой степени необыкновенный, что даже андалузец, полагавший, что он уже повидал все на свете, испытывал глубокое потрясение.

«Грандиозность» было самым подходящим словом, чтобы попытаться хоть как-то определить чувства, которые охватывали его, когда он поднимал взгляд и видел перед собой каменную громаду, отвесно поднимающуюся над его головой на тысячу с лишним метров, или обозревал с какого-нибудь пригорка мощную гору, основание которой, вероятно, не поместилось бы и на половине провинции Хаэн. Расстояния, а главное, высота и объемы не имели ничего общего с тем, что он встречал до этого. Да, конечно, ему потребовалось больше месяца, чтобы переплыть океан, но там каждый день взгляду открывалась одна и та же картина, плоская протяженность воды почти не менялась и не предлагала точек отсчета, которые бы позволили составить ясное представление о ее подлинных размерах.

А в этой небывалой горной цепи, сравнимой только с той, которую Марко Поло описал в своих путешествиях в Китай, размеры и расстояния благодаря меняющемуся свету, который особенно в ранние часы максимально усиливал контуры и тени, обретали жизнь и рельеф.

Воздух, настолько чистый, что часто возникало впечатление, будто его не существует, а когда они делали привал и звуки шагов стихали, тишина была такой глубокой и такой полной, что у испанца появлялось ощущение, что они оказались посреди пустоты.

В полдень, когда солнце стояло прямо над головой, почти на линии экватора, на высоте больше трех тысяч метров, казалось, что его лучи превращаются в жидкий огонь, безжалостно заливающий людей, сдирая с них клочьями кожу, хотя неожиданно, когда его закрывала туча, температура сразу падала на тридцать градусов, чтобы вновь резко подняться, когда та уходила.

Если даже камни не выдерживали такой пытки и раскалывались, еще меньше удавалось это вынести голове человека, родившегося в низине; его легкие еще не сумели привыкнуть к разряженному воздуху, из-за чего приходилось то и дело останавливаться, чтобы перевести дыхание, и тем самым отчаянно тормозить бодрое движение своих спутников.

– Залезай в паланкин! – настойчиво предлагал Чабча. – Позволь моим людям тебя нести, а не то мы никогда не дойдем.

– Нет.

Уже даже кока не помогала ему переносить тяжесть в ногах и мучительное ощущение удушья, которое изводило его, когда плоскогорья поднялись выше четырех тысяч метров; стальной нагрудник при нагревании превращался в орудие пытки, а аркебузу словно тянула к земле какая-то неодолимая сила, с каждой минутой увеличивая ее вес, и даже меч обернулся наковальней, которую он утомился таскать по всему континенту.

Алонсо де Молина всегда считал себя сильным человеком и тем не менее, хотя он прекрасно питался и был здоров, ему приходило в голову, что долгое голодание, болезни и лишения в те месяцы, когда они вместе с Писарро и другими товарищами оказались предоставлены собственной судьбе на острове Эль Гальо, не идут ни в какое сравнение с этими мучительными подъемами и спусками по бескрайним дорогам Империи.

А вот туземцы, в свою очередь, чем выше поднимались, тем выглядели все бодрее, их походка по мере приближения к зоне холода становилась с каждым разом все энергичнее, поскольку, судя по всему, быстрая ходьба была их единственным способом согреться, так как ни солдаты, ни носильщики не имели права на коку, предназначенную исключительно для знати.

– Предоставить ее народу значило бы обречь лучшие земли на ее выращивание, к тому же многие избаловались бы и разленились. Единственный недостаток коки в том, что у человека в отсутствие силы воли возникает привыкание. Поэтому меня беспокоит, что ты так часто к ней прибегаешь. Не надо вводить это в привычку.

– Обещаю тебе, что как только мы доберемся до Кито, я про нее забуду, – заметил испанец. – Однако, если бы не она, я бы точно никогда не смог досюда дойти.

Они остановились на вершине лысой горы, чтобы взглянуть на тропинку, которая, петляя, спускалась к ревущей широкой реке, берущей начало у самого низа гигантской снеговой шапки, которая, словно зеркало, отражала солнечные лучи, и испанца поразило, с какой математической точностью проложена дорога, поскольку по ней мог пройти даже слепой, считая шаги и в определенный момент сворачивая попеременно то влево, то вправо.

– В ту пору, когда не идет сев или сбор урожая, каждое селение обязано поддерживать дороги в хорошем состоянии, а инспекторы проверяют, чтобы не было ни одного ухаба и ни одного камня от Куско до Кито.

– И что, все так идеально организовано?

– Без строгого порядка никому бы не удалось управлять таким количеством разных народов, населяющих столь непохожие земли. Племена, обитающие в горах, в жарких долинах, на

побережье и в лесах на востоке, которые лопотали на тарабарских языках и жили по диким обычаям, ныне объясняются друг с другом на кечуа и следуют одним и тем же нормам поведения. Так же как солнце каждый день восходит над одним и тем же перевалом восточнее Титикаки, бросая свой первый луч на остров Луны, и в одно и то же время скрывается в одном и том же месте в море, так и его дети, инки, организовали Империю. Все рассчитано и предусмотрено.

– Даже мой приезд?

– Даже твой приезд. Два года назад огромная комета с длинным хвостом пересекла небо, и, по словам наших прорицателей, ее появление означало смерть Уайны Капака и возвращение Виракочи. Мы тебя ждали.

– Что еще написано обо мне в ваших пророчествах?

– Написано? – удивился курака. – Что значит «написано»?

– То, что содержится в книгах.

– А что такое «книга»?

Андалузец шумно вздохнул:

– Ну как тебе объяснить, что такое книга!.. Для начала надо выяснить, известна ли тебе бумага... – Он вынул из кармана единственное письмо, которое получил с тех пор, как приехал в Новый Свет, и показал ему. – Это бумага! – сказал он. – Знаешь, для чего она служит?

Тот с некоторой опаской взял письмо двумя пальцами, тщательно рассмотрел с одной и с другой стороны и в конце концов вернул, словно это было что-то подозрительное.

– И для чего она служит?

– Это письмо... В нем посредством вот этих знаков мои родные рассказывают мне все, что случилось дома за последнее время. Вы пользуетесь чем-нибудь похожим?

Чабча Пуси, курака Акомайо, который, судя по всему, искренне заинтересовался тем, что ему пытался втолковать испанец, немного поразмыслил и наконец, вынув из сумки толстый шнурок, с которого свисало несколько разноцветных веревочек с искусно завязанными узелками, сказал:

– У нас есть «кипу». В зависимости от размера, цвета, количества и расположения узелков, они сообщают сведения. Например, этот мне напоминает, сколько лам и альпак сейчас имеется в Акомайо; вот этот – сколько туник, а вот этот – сколько мечей и щитов...

Алонсо де Молина в свою очередь взял шнурок и стал рассматривать, вертя в пальцах, стараясь понять, как его используют. Наконец вернул его хозяину, кивнув головой:

– Понятно... – сказал он. – Неплохой способ держать в памяти сведения... Но вот что мне хотелось бы знать, так это: если твоя жена пришлет тебе такую штуку, узнаешь ли ты, что она жива-здорова, урожай был неудачный, а твоя кузина выскочила замуж за местного дурачка...

– Зачем ей мне об этом сообщать? Все это я узнаю, когда вернусь.

– Ладно!.. Однако представь себе, что ты хочешь узнать об этом раньше. Как бы ты это сделал?

– Зачем мне это знать, если, находясь так далеко, я не смог бы ничего исправить?.. Я предпочитаю спокойно путешествовать и думать, что все идет так, как я оставил, а не узнать, что Найка заболела и, возможно, умирает. Это было бы бессмысленное страдание, тебе не кажется?

Что это было: идиотский ответ или демонстрация железной логики, – только поразмыслить об этом испанец не успел, поскольку собеседник вскочил на ноги, давая понять, что разговор окончен, и, как обычно, бодрым шагом начал спускаться к реке.

Испанец беззаботно двинулся за ним по крутому склону. И тут за последним поворотом тропинки его взору открылось такое зрелище, что он невольно застыл на месте, словно внезапно превратившись в соляной столб: через широкое русло реки был перекинут совершенно невообразимый веревочный мост, и его середина угрожающе раскачивалась над бур-

ными водами, которые с ревом прокладывали себе путь между острых камней, напоминающих черные клыки голодного волка.

– Уж не собрался ли ты по нему переправляться? – запротестовал он.

Чабча Пуси взглянул на него с удивлением:

– Почему нет? – спросил он. – Чем он плох?

Первые солдаты уже продвигались по хлипкому мосту, крепко, как только можно, вцепившись в потрепанные веревочные поручни, и у Молины возникла уверенность в том, что стоит им только зазеваться, как ветер, который с ревом спускался с горного хребта, подхватит их и понесет над бездной к самым дальним пределам земли.

– Они сошли с ума! – в ужасе пробормотал он. – Окончательно свихнулись. Я отказываюсь переправляться здесь.

– Ничего другого не остается, – спокойно ответил инка. – Другого пути нет.

– Всегда есть другой путь.

– Но не в горах. Разве в твоей стране нет рек?

– Есть. Спокойные реки с прекрасными каменными мостами. Не то что этот.

Первая группа солдат уже переправилась на другой берег и рассредоточилась по склону с оружием на изготовку, готовые к бою, и тут, пока он наблюдал за их передвижением и тем, как тщательно они изучают камни и кусты на вершине, его вдруг осенила догадка:

– Ты ждешь нападения? – спросил он.

– Какое место может быть лучше для засады? – прозвучало в ответ. – Если люди Атауальпы намереваются тебя схватить, то это как раз подходящее место. Подождем, пока разведчики не удостоверятся, что опасности нет.

– Меня больше волнует мост, нежели все солдаты Атауальпы вместе взятые.

Чабча Пуси лишь улыбнулся, не сводя взгляда с противоположного берега; ни одна даже самая мелкая деталь крутой стены, начинавшейся в нескольких шагах от входа на мост, не была обойдена его вниманием – до тех пор, пока фигура офицера, командовавшего охраной, не появилась на скале и не замахала руками, приказывая начать продвижение.

– Идем! – сказал он. – И помни, что этот мост прослужил уже больше века и не оборвался.

– Ничего себе утешение! Целый век!..

– Но каждые три года его восстанавливают... – добавил туземец. – У жителей этих гор нет иной обязанности в жизни, кроме как плести крепкие веревки и содержать мост в идеальном состоянии. Если дорожные инспекторы обнаружат хоть малейший дефект, то кураку сбросят в пропасть вместе со всей семьей. Это действует на тебя успокаивающе?

– Должно было подействовать, вот только ветер... кто его остановит?

Не дожидаясь ответа, он с обреченным видом двинулся вперед, но не успел пройти метров тридцать, как его поразил внезапный грохот, донесшийся из самой глубины каньона, и это был то ли рев, то ли безудержные рыдания, к которым примешивалось неистовое биение воды о гранитные стены, скрежет камней, которые поток волочил по дну, и завывания ветра, тон которого менялся каждую минуту.

Сила постоянно бушующего ветра, который стремился пробиться сквозь узкую горловину огромной естественной воронки, которую представляло собой ущелье, была такова, что за двадцать шагов до начала моста уже была натянута веревка, за которую надо было держаться, чтобы не подвергать себя риску и не оказаться безвозвратно утянутым в русло реки.

Испанец остановился, перекинул ремень аркебузы через грудь, подтянул покрепче меч и непромокаемую кожаную сумку, в которой хранил порох, и, громогласно чертыхнувшись в полной уверенности, что никто все равно не разберет ни слова, двинулся навстречу пренеприятному приключению – переправе через реку; он старался не смотреть вниз, поскольку это было бы все равно, что броситься в воду вниз головой, ведь даже на крепостной башне он испытывал головокружение.

– Я из Убеды, – только и смог прошептать он напоследок, как бы извиняясь. – Я из Убеды, которая по милости Господней расположена на ровной земле; вот уж не знаю, какого черта меня понесло исследовать самую горную страну на этом свете.

Несомненно, это были тоскливые минуты; столь же бесконечные, как самое жестокое сражение, в котором ему довелось участвовать за свою бурную жизнь, потому что на сей раз он сражался не с людьми и оружием, а с неукротимым ветром и сильным головокружением, из-за которого его совершенно не слушались ноги.

Поэтому он полностью сосредоточился на том, чтобы цепляться руками за все, что придется, не обращая внимания на происходившее вокруг, и лишь когда вновь ощутил под ногами твердую почву, заметил, что по ту и другую сторону моста развязался жестокий бой.

Откуда взялось столько людей, так и осталось для него загадкой: они выныривали из-за камней и кустов на вершине горы и, размахивая короткими мечами и тяжелыми булавами, обрушивались на солдат Чабчи Пуси. Те, в свою очередь, пытались отважно защитить своего предводителя, в то время как носильщики, поспешно побросав свою поклажу, кинулись бежать врассыпную.

Испанцу потребовалось всего несколько секунд, чтобы подготовить аркебузу и выстрелить в ближайшего из нападавших. Тот схватился за грудь, вопя от боли, однако, вопреки ожиданиям, на этот раз противника не охватила паника, поскольку грохот реки и ветер приглушили звук выстрела «трубы громов»; никто и не заметил, что несчастный был ранен невесть откуда прилетевшей свинцовой пулей, а не холодным оружием в рукопашной схватке.

Алонсо де Молина на какое-то мгновение почувствовал себя в дурацком положении; у него возникло непреодолимое желание отвернуться и засвистеть, сделав вид, что он не имеет ко всему этому никакого отношения. В итоге он схватил за руку кураку и прикрыл его собой в уверенности, что солдаты не смогут долго сдерживать напор противника, втрое превосходившего их по численности.

Он стал свидетелем неоправданной жестокости нападавших, которые сбрасывали в пропасть и мертвых, и раненых, и не сходил с места до тех пор, пока их предводитель, человек с выбритой головой и деформированными ушами, украшенными золотыми кольцами, которые оттягивали мочки чуть ли не до плеч, не приблизился к нему – не без некоторой опаски – и не заговорил тоном, который по замыслу должен был звучать властно, а прозвучал фальшиво, поскольку пришлось слишком напрягаться, чтобы перекричать шум.

– Я – Пома Ягуар, наместник Уанкабамбы²³, и я приветствую тебя от имени моего господина Инки Атауальпы... – Затем он повелительно указал на Чабчу Пуси, которого почти не было видно за спиной испанца. – Отдай мне этого человека, который должен заплатить жизнью за свое предательство.

Молина твердо отказался.

– Этот человек – мой друг. Чтобы его убить, тебе придется попытаться убить и меня, и твой господин потребует от тебя отчета, как ты посмел поднять руку на Виракочу... Прочь с дороги!

Он оттолкнул того в сторону и, взяв Чабчу Пуси за плечо, поставил его перед собой, чтобы твердым шагом начать восхождение по крутому склону, уповая на то, что одним лишь спокойствием и надменностью сумеет спасти кураке жизнь.

Наместник Пома Ягуар колебался несколько секунд – находясь под впечатлением то ли от твердости, то ли от хриплости голоса андалузца, – однако этого времени оказалось достаточно, чтобы его люди расступились, освободив путь к вершине; некоторые с удивлением протягивали

²³ *Уанкабамба* – одна из северных провинций Перу с одноименной столицей, расположенной в долине реки Уанкабамба, вдоль которой проходит Дорога инков, ведущая от Кито к Кахамарке.

руку, чтобы коснуться блестящей металлической кирасы, на которой играли серебристыми бликами солнечные лучи.

Крутой склон был, без сомнения, самым узким, крутым и изматывающим из тех, что им уже пришлось преодолеть, однако Молина изо всех сил старался не выдавать своей усталости, и, несмотря на то что разреженный воздух высокогорья, похоже, вновь отказался заполнять его легкие, а голова грозила лопнуть, он твердо сжал зубы и упрямо продвигался вперед, сознавая, что «бог» не может обнаруживать признаки слабости.

– Кока! – прошипел он, когда ноги, как ему показалось, должны были вот-вот перестать ему подчиняться. – Мне нужна кока... Быстро!

Чабча Пуси мгновенно внял его просьбе и, тайком сунув руку в кожаную сумку, передал ему горсть листьев и кусочек известняка. Испанец положил все в рот и начал с наслаждением жевать, моля небо о том, чтобы снадобье поскорее подействовало и позволило ему добраться до вершины, не рухнув раньше времени без сил.

Последние метры явились настоящим испытанием: он уже не столько толкал кураку впереди себя, сколько вцепился в того в надежде, что это поможет ему устоять на ногах и избежать позора; не хватало еще, чтобы те, кто провожал его взглядом, увидели, как «бога» из плоти и крови больше не держат ноги.

Достигнув вершины, он притворился, что у него перехватило дыхание от восторга перед величественной красотой открывшейся его взору картины: обширнейшего плоскогорья, поросшего невысокой травой и усеянного сотней небольших свинцово-серых озер, похожих на пятна ртути, в зеркале которых отражались грозные белые пики, выстроившиеся в километрах тридцати в очередную нескончаемую горную цепь.

Неподвижный воздух был сухим и прозрачным, а тишина такой глубокой по контрасту с грохотом реки, что покотившийся камень показался первым нарушением первозданности мира, сотворенного в этом виде миллионы лет назад и просуществовавшего до сих пор, словно его никогда не видели глаза ни одного человека.

– Как красиво! – пробормотал он, едва отдышавшись. – Это самое красивое и пустынное место, которое мне когда-либо доводилось видеть.

Чабча Пуси обернулся и озадаченно посмотрел на испанца: ему было действительно нелегко понять, как это человек, только что переживший такой сложный момент, способен восхищаться красотой пейзажа. Однако он ничего не сказал, потому что перед ними вдруг возник коротышка Пома Ягуар, вставший на цыпочки в тщетной попытке дотянуться хотя бы до нагрудника испанца.

– У меня приказ моего повелителя, Инки Атауальпы, привести тебя к нему в Кито, столицу Северных владений... – пронзительным голосом объявил он, в то время как солдат, опустившись перед Молиной на колени, протягивал испанцу небольшую коробку из плетеной соломы. – И мой повелитель предлагает вам этот замечательный подарок в знак своей дружбы и своего желания союза.

Андалузец взял коробку и, открыв ее, обнаружил два массивных золотых кольца тонкой работы – такие же, как у Наместника. Он внимательно их рассмотрел и усмехнулся.

– Очень красивые! – согласился он. – Но пока мне не приходит в голову, куда их повесить... – Внезапно тон его голоса изменился, став властным и почти агрессивным. – Хотя я не понимаю, как это Атауальпа предлагает мне такие доказательства дружбы и в то же время приказывает убить мою охрану. Одно с другим не вяжется.

– Эти люди были не твоей охраной, а твоим конвоем. Они вели тебя, пленного, к Уаскару... А я тебя освободил.

– И ты в свою очередь превратился в мою охрану или в мой конвой? Разве я не свободен направиться куда пожелаю? Я в состоянии выбрать между Кито и Куско?

Пома Ягуар повернулся к Чабче Пуси и несколько мгновений смотрел на кураку с яростным выражением физиономии, словно считая того виновным, что ему задали подобный вопрос. Наконец, уцепившись за идею, которая показалась ему спасительной, он суетливо затараторил:

– Кито находится ближе, и будет правильно, если ты в первую очередь посетишь брата, который находится ближе. Затем мой повелитель предоставит тебе возможность продолжить путь в Куско, если таково будет твое желание. Не сделать этого значит показать, что ты неодинаково относишься к двум сыновьям Инки Уайны Капака, и это было бы ужасным оскорблением для моего повелителя и его самых верных подданных...

Алонсо де Молина, по-видимому, понял, что упираться тут абсолютно бесполезно, принимая во внимание скрытую угрозу, заключенную в словах коротышки, поэтому лишь широко развел руками в знак того, что не видит особой разницы между тем и другим городом, и одновременно показывая, что он вновь отправляется в путь.

– Ладно! Не будем терять времени... Кито ждет!

К вечеру они добрались до небольшой деревушки: несколько хижин из глины и соломы, которые сиротливо стояли посреди этого болотистого плоскогорья. Ее обитатели – молчаливые привидения в одежде землистого цвета, с лицами, обожженными солнцем, – едва завидя вооруженных людей, укрылись в глубине своих обиталищ.

Один лишь «лякка камайок», то есть инспектор общественных работ, который являлся высшим представителем власти в местности, удаленной от мало-мальски важного населенного пункта, отважился выйти навстречу прибывшим, однако в действительности его присутствие оказалось бесполезным, поскольку стоило ему увидеть «человека-бога» в сияющих доспехах, высоком шлеме да еще и с длинной густой бородой, он рухнул как подкошенный, уткнувшись в грязь лицом и сотрясаясь от конвульсий.

Губернатор Пома Ягуар ограничился тем, что яростно пнул несчастного под зад и немедленно направился к самой большой хижине, откуда бесцеремонно выставил перепуганных обитателей.

– Будете спать здесь, – объявил он Молине. – На рассвете продолжим путь по парамо²⁴, чтобы перебраться через перевал к югу от озера.

– Это будет очень тяжелое путешествие, – возразил Чабча Пуси. – Кто, как не Виракоча, заслуживает того, чтобы передвигаться по Королевской дороге?

– Королевская дорога кишмя кишит шпионами, – желчно ответил тот. – И не открывай рта, если не хочешь истощить мое терпение. Виракоча – мой гость, я это знаю, а ты – мой пленник, не забывай.

Он вышел из хижины, оставив его возле дымного и вонючего огня от навоза альпаки, и Алонсо де Молина тотчас снял тяжелый шлем и кирасу и опустился на циновку, привалившись спиной к стене.

– Не нравится мне этот человек, – проговорил он, растирая руки и вытягивая их к огню в попытке согреться. – Ты был прав, и люди Атауальпы мне не нравятся.

– Они хотят войны.

– Война меня не пугает, – твердо ответил испанец. – Я всегда был военным человеком, но считаю недопустимым, что кто-то восстает против собственного брата и добивает раненых, как приказал сделать этот карлик. – Он глубоко вздохнул, то ли выражая недовольство, то ли в знак смирения. – Я чувствую себя обманутым, – вскоре добавил он. – Пленники на острове Эль Гальо рассказывали мне о прекрасной стране, в которой царит порядок, никто никогда не ложится спать без ужина и справедливость превыше всего... – Он широким жестом обвел

²⁴ *Парамо* – холодные, пустынные нагорья и гребни Анд.

вокруг. – И что я здесь нахожу!.. Ненависть и смерть; предательство и братоубийственные войны... Не нравится мне это. Нет, решительно не нравится.

– А чего ты ждал? – поинтересовался туземец, который устроился в другой стороне помещения. – Загородную прогулку? Меня с самого начала удивило твое поведение. Если ты бог, то ведешь себя как человек, а если ты человек, то ведешь себя как сумасшедший. Нельзя же в одиночку приехать в самую крупную из существующих империй и вести себя так легкомысленно. Я уже знаю, что никакой ты не бог, хотя с моей стороны твоей жизни не грозит опасность. Но что произойдет, когда это поймет Пома Ягуар, Чили Римак, Атауальпа или кто-либо еще? Ты внушаешь страх, а страх всегда был плохим советчиком. Тебя убьют.

– Ничего себе, утешил!

– Это не утешение, это совет. Ты спас мне жизнь, и единственный способ отблагодарить тебя – это спасти твою. Послушай, что я тебе говорю! Если не хочешь тоже превратиться в «рунантинья», измени поведение... Тебе вот нравится смеяться над вещами и людьми, да только мой народ не обладает чувством юмора. Смех – признак сумасшествия.

– Сумасшедший – тот, кто никогда не смеется, – изрек Алонсо де Молина. – Я приехал из тех краев, где ценят смех, веселье, песни, танцы, вино и женщин, потому что в Андалусии ты скорее ляжешь спать без ужина, чем без смеха... Но я принимаю совет: совершенно очевидно, что тот, кто живет в этих пустынных краях, на такой высоте, в таком холоде и при таком ветре, мало настроен веселиться... А вот скажи-ка: что, по-твоему, нам следует предпринять?

– Предпринять? – удивился курака. – Ничего. Наша судьба отныне в руках Атауальпы. Он решает.

– Ошибаешься, – спокойно возразил испанец. – Не для того я сюда добирался, чтобы превратиться в чей-то инструмент. Ты был прав: я предпочитаю Уаскара. Мы отправимся в Куско.

Собеседник покачал головой и какое-то время казалось, что он решил не отвечать. Этот великан с глазами морского цвета – становится не по себе, когда в них заглядываешь, – часто вел себя как человек не от мира сего, без мозгов. Наконец яростно фыркнув, он спросил с оттенком иронии:

– А что ты сделаешь с Помой Ягуаром? Скажешь ему, что мы уходим? Знаешь, что с ним сделает Атауальпа, если он вернется с пустыми руками?... С живого спустит кожу после того, как сначала убьет у него на глазах всю семью...

– По-видимому, то же самое сделает с тобой Уаскар... А ты мне нравишься больше, чем этот мерзкий карлик.

– Да ведь у него люди и сила на его стороне!..

Алонсо де Молина слегка улыбнулся:

– А на моей – хитрость... – Он выдержал многозначительную паузу и с любовью похлопал по аркебузе. – И «труба громов».

– Ты собираешься его убить?

– Если он меня не вынудит это сделать, то нет.

Чабча Пуси, курака Акомайо, глубоко задумался, не сводя взгляда с огня, и в итоге, вновь подняв голову, заметил:

– Мне больно об этом говорить, но, если ты не убьешь Пому Ягуара, мы далеко не уйдем. Он знает, чем рискует, и будет нас преследовать до самих ворот Куско, если понадобится. Однако, если он умрет, мы будем вне опасности. Я знаю его людей: если они окажутся без начальника, то не станут предпринимать никаких действий до тех пор, пока им не пришлют нового. Таков закон: если человек не принадлежит к правящему классу, ему возбраняется действовать самостоятельно, без приказа. А среди людей Помы Ягуара только рабы или солдаты. Никто и пальцем не шевельнет, когда речь идет о таком деликатном деле, как жизнь Виракочи.

– Мне претит мысль о хладнокровном убийстве человека, даже когда речь идет о тюремщике. – Он озабоченно покачал головой. – Когда я сошел на берег в этой стране, я думал, что окончательно распрощался с войной и насилием, и вот поди ж ты – на днях убил одного из твоих людей, а сегодня – солдата. Не проси меня убить еще и карлика.

Туземец кивнул головой в сторону аркебузы.

– Если ты не хотел убивать, зачем же тогда притащил с собой оружие?

– Чтобы защищаться.

– Что ты до сих пор и делал. И защитишь себя, если убьешь Пому Ягуара... Взгляни правде в глаза! Если ты согласишься, чтобы он отвел тебя в Кито, рано или поздно Атауальпа обнаружит, что ты не бог, а человек, от которого ему немного пользы и который может стать опасным. И тогда твоя жизнь будет не дороже моей, которая в данный момент ничего не стоит.

Алонсо де Молина некоторое время молчал, собираясь с мыслями, и, протянув руку, снял со стены тростниковую свирель и начал с силой в нее дуть, хотя у него почти ничего не получилось.

– Это какие же легкие надо иметь, чтобы на этом играть, – заметил он и наконец тряхнул головой в знак согласия. – Ладно! – добавил он. – Если не будет другого выхода, я убью Пому Ягуара, но это мне совершенно не по душе...

Полчаса спустя они вдвоем покинули хижину и прямо перед ней, на своего рода центральной площади этой грязной деревушки, в укрытии от ветра, образованном высокими стенами, обнаружили весь отряд солдат: те сидели на корточках вокруг костра, а Пома Ягуар устроился на крохотном табурете в углу.

Уже совсем стемнело, луна еще не появилась, и северный ветер, пробирающийся до костей, разгуливал по плоскогорью, завывая зловеще, как никогда.

Испанец невольно восхитился силой духа людей, отваживающихся обитать в этой пустынной и ледяной пуна²⁵, степи, где росли только хилые кустики и чахлые травы, которые едва позволяли выжить их скудным стадам лам, альпак и викуний. Казалось, ничего, кроме круглых мучнистых клубней, нельзя вырастить на крохотных клочках пригодной земли, беспорядочно разбросанных то там, то сям, и на всем пространстве, которое можно было охватить взглядом, не было видно ни одного дерева или древесного куста. Даже воздух, разреженный из-за высоты, был таким скудным, что костер тоже разгорался с большим трудом, и вонючего дыма от него было больше, чем тепла, которое давал огонь, медленно поглощая кучи высушенных солнцем экскрементов – его единственную пищу.

Он посмотрел на «Наместника», закутавшегося в выцветшее красное пончо: тот смахивал на безжизненную мумию или на обезьяну, оцепеневшую от холода.

Он поколебался какое-то мгновение и наконец, словно смирившись, слегка распахнул тяжелое одеяло из шерсти альпаки, которое дал ему Чабча Пуси, чтобы защищаться от холода в горах, и доспехи вспыхнули в свете пламени, ослепив солдат, которые испуганно за ним наблюдали.

– Мы уходим! – объявил он, обращаясь непосредственно к Поме Ягуару, тело которого тут же напряглось, словно неожиданно вернувшись к жизни. – Мы с моим другом уходим, и не пытайся нас преследовать, иначе мне придется тебя убить.

– Ты не можешь уйти, – дрожащим голосом возразил коротышка. – У меня приказ доставить тебя в Кито живым или мертвым.

– Живым я идти туда не хочу... – заносчиво пророкотал Алонсо де Молина. – И никто из вас не сможет убить Виракочу. – Он продемонстрировал им тяжелую аркебузу, которую держал в правой руке. – А вот моя «труба громов» может тебя прикончить, как и любого другого, кто

²⁵ Пуна – высокогорный ландшафтный пояс внутри плоскогорий и плато в Центральных Андах Южной Америки.

будет мешать моим планам, но я сохраню тебе жизнь, если ты поклянешься, что не будешь пытаться меня остановить.

Было очевидно, что и Пома Ягуар, и его люди были напуганы словами «человека-бога», который впервые угрожал пустить в ход свои магические способности. Взоры всех присутствующих тут же обратились к коротышке, который изо всех сил пытался обуздать свой страх и унять дрожь.

– Я не могу в этом поклясться, – чуть ли ни всхлипывая, наконец выдал он из себя. – Если я вернусь без тебя, моя судьба, как и судьба моих жен, детей и рабов будет ужасной. Гнев моего повелителя не имеет границ. – Он со слезами на глазах заглянул испанцу в лицо. – Убей меня, если ты должен уйти, потому что в этом случае я буду объявлен героем, павшим в бою, и моя семья будет навеки окружена почетом, только не проси меня о невозможном.

Беззащитность этого тощего высокомерного карлика вызывала жалость, но андалузец нисколько не сомневался в том, что Чабча Пуси был прав, и, если оставить его в живых, он будет постоянно наступать им на пятки на протяжении всего долгого путешествия в Куско.

Он пожал плечами и потряс тростниковой свирелью, которую держал в левой руке.

– Ты сам этого захотел, – сказал он. – Я убью тебя, чтобы ты стал героем. – Он повернулся к солдатам, которые не осмеливались даже моргнуть. – Из моей «трубы громов» вылетит молния, которая убьет вашего начальника, а из этой флейты – рокошующие голоса богов, которые вас оглушат и ослепят, если вы осмелитесь хотя бы на меня взглянуть. Советую вам закрыть глаза, если хотите их сохранить, а также сохранить жизнь, потому что ярость богов в тысячу раз более жестокая, чем ярость Атауальпы. Закрывайте глаза!

Он швырнул свирель в огонь, поднял оружие и, прицелившись прямо в грудь Пома Ягуара, выстрелил.

В тишине ночи прогремел звук выстрела, сверкнула вспышка, и бедный человечек упал навзничь, издавая жуткий вопль боли и страха. На какое-то мгновение воцарилась тишина, как вдруг порох, которым были заполнены трубки тростниковой свирели, резко взорвался, наполнив окружающее пространство дымом, пеплом и вспышками.

Охваченные безудержной паникой солдаты бросились на землю, прикрывая головы руками и крича от ужаса.

Алонсо де Молина воспользовался сумятицей, чтобы схватить за плечо дрожащего кураку и увести его оттуда до того, как дым окончательно рассеется.

Когда спустя десять минут самый смелый из солдат наконец отважился открыть глаза, его взору предстала картина смерти и разрушения, а в воздухе витал неприятный острый запах: запах богов, которые своими молниями и своими громкими голосами охраняли гигантского и ужасного Виракочу.

Они исчезли из виду, растворившись в темноте; шли куда глаза глядят, поспешно и молча, пока огонек костра не перестал маячить вдали, а ветер больше не доносил крики ужаса солдат.

Чабча Пуси все еще дрожал.

Когда же он в конце концов пришел в себя, то задрал голову, изучил положение звезд и решительно указал направление.

– На юг, – сказал он. – Переправимся через озеро.

Вскоре на небе взошла луна, и с появлением ее серебряного лика холод усилился, а северный ветер задул с большей силой, толкая их в спину, словно невидимая рука, которая хотела увести их подальше от неких опасностей.

Но этот ветер сам по себе представлял наибольшую из опасностей.

Ветер и холод, который он тащил за собой, словно ему нравилось срывать его с заснеженных вершин и сеять по своему желанию по пуне, чтобы заморозить любое проявление жизни.

Лужи, бесчисленные лужи, в которых ледяная вода порой доходила до середины икры; поскользнувшись, они падали в воду, и контакт с мокрой одеждой вскоре стал просто непереносимым.

– Надо найти какое-то укрытие, а не то мы заледеем, – уверенно сказал испанец. – Я больше не могу сделать ни шагу.

– Не останавливайся! – хриплым голосом решительно ответил инка. – Если мы прекратим двигаться, то умрем от холода. Идем... Идем!

Они разделили между собой последние листья коки, что позволило им немного согреться, и вскоре наконец заметили в полумраке крохотную хижину и что-то вроде примитивного загона, в котором за глиняной стеной сгрудились десятка два альпак.

Они затесались среди них и ощутили, как благодаря животному теплу постепенно приходят в себя, и Алонсо де Молина плюхнулся на землю, не обращая внимания на вонь экскрементов и кислый запах, исходивший от животных. Втиснувшись между двумя альпаками, чему те не воспротивились, он закрыл глаза и позволил сну унести его как можно дальше от ненастной ночи. Его руки уже смахивали на скрюченные лапы, которые больше не могли сжимать аркебузу, а ноги отказались повиноваться в тот самый момент, как он перестал ими двигать.

Холод был таким сильным, а усталость такой глубокой, что в какое-то мгновение он вообразил, что смерть вот-вот принесет ему умиротворение, и был совсем не против того, чтобы больше не просыпаться.

И все же с первыми лучами рассвета он проснулся, почувствовав легкое волнение среди животных и высунув голову, заметил грязного коренастого человека: тот вышел из крохотной хижины и, громко зевнув, задрал свои замызганные лохмотья и принялся долго мочиться, направив струю в стену.

Испанец повернулся к Чабче Пуси, который из своего укрытия, в трех метрах от него, знаками приказывал ему затаиться, однако подчиниться стоило ему немалых усилий, так как, закончив мочиться, пастух быстро огляделся вокруг, убедился, что в бескрайней пустыне равнины не видно ни одной живой души, и, не снимая пончо, спокойно подошел к ближайшей альпаке, которая даже не сдвинулась с места, и, пристроившись сзади, принялся удовлетворять свою похоть, щелкая языком, очевидно, чтобы успокоить животное.

Испанец был в ужасе, но курака, по-видимому, совершенно не разделял его чувств: сидя в укрытии, он лишь пожал плечами, словно давая понять, что им следует вооружиться терпением, раз уж не остается ничего другого, как ждать, когда человек закончит удовлетворять столь безотлагательную физиологическую потребность.

Когда пятнадцать минут спустя похотливый пастух удалился по равнине в сопровождении стада, так и не заметив присутствия чужаков, Алонсо де Молина дал волю своему возмущению.

– Ты это видел? – воскликнул он. – Мерзкая свинья! Меня так и подмывало отрезать ему причиндалы.

Курака посмотрел на него с недоумением.

– Почему? – спросил он. – Раз у него нет женщины, вполне понятно, что он устраивается, как может. Так поступает большинство пастухов.

– И их не наказывают? У меня на родине его бы сожгли живьем. Скотоложство – это дьявольское извращение.

– При чем тут дьявол? Я этого не одобряю, однако у жителей пуны нет выбора. Если мы будем сжигать всякого, кто совокупляется со своей скотиной, ее скоро некому будет пасти. – Они направились к крохотной хижине и проникли внутрь, преодолевая отвращение: там, в четырех стенах – почерневших и грязных – стояло жуткое зловоние. – А стада – это основное богатство Империи. Без лам, альпак и викуний у нас не было бы шерсти, молока, мяса и вьюч-

ных животных, а от того, что пастухи используют их для своих утех, нет абсолютно никакого вреда. Даже говорят, будто у их возлюбленных лам шерсть обычно бывает более блестящей...

По-видимому, он посчитал тему исчерпанной, поскольку, завладев огромным глиняным кувшином, полным молока, сделал несколько больших глотков, а затем протянул его испанцу.

– На-ка! – сказал он. – Подкрепись, потому что кто его знает, когда мы добудем что-то съестное.

Вскоре они вновь отправились в путь, однако, как нарочно, ночной ледяной ветер перестал дуть, плоскогорьем завладел мертвый покой, и жгучее солнце, которое здесь было ближе к земле, чем где бы то ни было, обдавало их таким зноем, что уже в середине утра испанец почувствовал, что кожа у него на носу и лбу начинает облезать клочьями.

Однако вода в озерах и лужах не нагревалась, поэтому ноги путников замерзли, а головы раскалились.

– Ну и климат! – сердито бурчал испанец. – Полагаю, этим людям также не разрешено жить в другом месте... Или разрешено?

Чабча Пуси ответил, обедая округу широким жестом:

– Подобно тому, как Бог создал растения и животных, наделив каждое из них особыми свойствами, предназначением и местом на земле, так и Инка определяет людям ту работу, которую они должны выполнять, и то место, где они должны этим заниматься. Такой порядок установил наш отец Солнце, и мы должны ему следовать.

– Я часто себя спрашиваю, говоришь ли ты всерьез или разыгрываешь меня, – сказал Молина в явной растерянности. – Я тебя считаю умным человеком, однако в том, что касается Инки, твой рассудок дает сбой. Как ты можешь соглашаться с тем, что человек, который является сыном другого человека, одновременно оказывается богом?

– Плохо же тебе придется в Куско, если ты этого не примешь. Отрицание божественности Уаскара равносильно отрицанию твоей возможной божественности. Порадьмысли об этом получше, потому что у меня создается впечатление, что каждый наш шаг в сторону столицы может приближать тебя к смерти.

Курака был прав, Молина это знал и задумался над тем, как же все-таки он поступит, когда в конце концов окажется перед Уаскаром и будет вынужден поклониться тому как богу, ведь он как-то не принял в расчет возможность существования «королей-богов», когда принимал решение сойти на берег в мирной, казалось бы, стране, которая встретила его с распростертыми объятиями.

«Ты будешь моим Посланником... – на прощание сказал ему Писарро. – Будешь представлять меня, а, значит, императора, и, когда я вернусь – а я вернусь! – будешь служить посредником между мной и этими людьми...»

Однако то были слова и иллюзии Писарро, а не его, Алонсо де Молины, ведь он-то никогда не стремился действовать в качестве посланника, служить посредником между возможным Завоевателем и завоеванным народом, и уж тем более не хотел считаться реинкарнацией Виракочи. Его всегда грели мечты совсем иного рода, намного более тесно связанные с мечтами мальчишки, который там, в Убеде, грезил о том, чтобы превзойти отважного Марко Поло, о похождениях которого слепой дед рассказывал ему по памяти.

Приключения, описанные Марко Поло, в каком-то смысле озарили темноту, в которую в последние годы жизни погрузился дед – ломбардский архитектор, осевший вначале в Толедо, а потом в Севилье, – а спустя годы заставили гореть огнем глаза беспокойной Беатрис де Агирре, которая пыталась заполнить чтением пустоту долгих часов плавания.

На Беатрис де Агирре – смуглую, миниатюрную, изобретательную и привлекательную девицу, которая направлялась в Панаму к своему брату, пройдохе-карьеристу, надевавшемуся

преуспеть под крылом интригана Педрариаса Давилы²⁶, произвело впечатление, что простой альферес²⁷ способен цитировать по памяти целые пассажи из этой и многих других книг, которые конечно же читал на языке оригинала.

– Такому человеку незачем терять время на войны и завоевания, – сказала она. – Его будущее – при дворе.

– Терпеть не могу двор и все, что с ним связано... – решительно заявил андалузец, хотя, что и говорить, ему было крайне приятно проводить время, сидя на носу корабля в компании этой бойкой и умной девушки, которая разделяла его увлечение книгами и экзотической страной Кублай-хана²⁸.

А потом было приятно продолжить эти замечательные беседы, вечерами, в доме ее брата. Однако он так и остался простым солдатом удачи, которому приходилось участвовать в бессмысленных авантюрах: какие там золото и слава, лишь голод да злключения, – и по возвращении из такого вот бестолкового похода внутрь материка, он узнал, что она помолвлена с каким-то щеголем из толпы дармоедов, которые, не рискуя жизнью, извлекали из Конкисты²⁹ куда больше выгоды, чем самые отважные из капитанов.

Он понял, почему она так поступила. Для такой женщины, как Беатрис де Агирре, интерес к открытию новых земель ограничивался книгами да беседами на закате; она бы ни за что не связала свою судьбу с человеком, у которого никогда не будет ничего, кроме шлема, аркебузы и меча.

– Я – Виракоча, – неожиданно произнес он.

Чабча Пуси резко остановился и насмешливо взглянул на него:

– Это сорочье подействовало на твою голову, – сказал он.

– Что это еще за «сорочье»?

– Горная болезнь, которая поражает тех, кто не привык к высоте... С чего это ты вдруг громогласно объявляешь, что ты и есть Виракоча? Что, пытаешься внушить это себе самому?

– А тебя это не убеждает?

– Абсолютно. Мне уже прекрасно известно, кто ты такой.

– Вот и скажи мне... Что ты ответишь Уаскару, своему Инке, своему богу, когда он спросит, что ты обо мне думаешь?

– Полагаю, что, если он и в самом деле бог, он немедленно узнает правду. А если нет, то передаст это дело мудрецам и жрецам. А уж с ними я знаю, как обращаться.

– Начинаешь сомневаться?

– Возможно. Я понял, что главная проблема, связанная с тобой, состоит не в том, что ты владеешь «трубой громов», убивающей издали, или что тебе удастся извлечь из свирели жуткие голоса. Твоя главная опасность заключается в том, что ты заставляешь думать.

Они достигли берега широкого озера. Противоположный берег едва просматривался, скрытый своего рода ширмой, состоящей из миллионов тростинок; курака внимательно изучил его, а затем с досадой покачал головой.

– На то чтобы его обойти, нам понадобится самое меньшее три дня, потому что почва мягкая и топкая, однако просить рыбака нас перевезти слишком рискованно: он расскажет, что нас видел.

– Необязательно.

²⁶ Педрариас Давила, или Педро Ариас де Авила (1440–1531), – испанский государственный и военный деятель, конкистадор. Губернатор Панамы (1514–1526) и Никарагуа (1527–1531).

²⁷ Альферес – младшее офицерское звание в испанской армии.

²⁸ Кублай-хан, или Хубилай (1215–1294), – монгольский хан, основатель государства Юань. Кублай-ханом назвал его Марко Поло.

²⁹ Конкиста – испанская колонизация Америки.

Туземец строго посмотрел на него.

– Если я прикажу рыбаку никому этого не говорить, он не скажет, но если его спросит кто-то выше меня по положению, ему придется сказать правду. Таков закон.

– Существует ли в твоей стране хотя бы что-то, не предусмотренное законом? Иногда у меня возникает вопрос, а не регулируете ли вы даже воздух, которым может дышать каждый человек в зависимости от положения или степени родства с Инкой. Это как-то... удушает.

– Солнце регулирует движение небесных тел с математической точностью, год за годом, век за веком. Его дети научились у него управлять судьбой своего народа. Существует место для каждого человека, и каждый человек всегда должен находиться на своем месте. И все работает.

– Угу. Вижу, что все работает, хотя многие не больно счастливы оттого, как все устроено. – Испанец пожал плечами. – Впрочем, я здесь не затем, чтобы критиковать или заниматься политикой, я всего лишь знакомлюсь с обстановкой. – Он махнул рукой в сторону озера. – Попробуем переправиться?

– Как?

– Поищем лодку.

– Только рыбаки могут пересекать озеро. Только они обладают необходимыми познаниями и разрешениями.

Алонсо де Молина фыркнул, явно выказывая этим свою досаду.

– Послушай, Чабча Пуси, курака Акомайо!.. – воскликнул он. – Мне уже порядком осточертели все эти правила... Чтобы переплыть озеро, нам нужна только лодка; что до познаний и разрешений, то мы займемся ими потом... Идет?

Инка, по-видимому, смирился.

– Ладно, – нехотя согласился он.

Где-то через час они обнаружили лодку, лежавшую на берегу в месте впадения небольшой речушки, однако, когда инка собрался в нее залезть, Алонсо де Молина жестом его остановил:

– Куда это ты? – поинтересовался он. – Что это такое?

– Да лодка же! – нетерпеливо ответил тот. – Разве ты не этого хотел?

– Лодка? – изумился андалузец. – Это всего-навсего куча плохо связанного тростника. В моей стране лодки строят из дерева.

– Откуда, по-твоему, мы его здесь возьмем?.. Во всей округе нет ни одного дерева ближе, чем в десяти днях пути. Здесь лодки строят из тростника. Тотора – самый необходимый тростник на свете: из него строят жилища и лодки, он также идет на растопку и в пищу... На Титикаке, самом большом на свете озере, где Виракоча создал солнце и луну, все вертится вокруг тоторы. Тотора – это жизнь.

– Она может быть всем, чем тебе угодно, только я не стану переплывать озеро на какой-то копне, – угрюмо возразил Молина. – Впечатление такое, что она в любой момент набухнет и потонет, как кусок намокшего хлеба.

– Если Богу угодно, чтобы что-то потонуло, оно и потонет, а если ему угодно, чтобы что-то плавало, оно будет плавать. Виракоча приказал камню погрузиться на дно, а тростнику – оставаться на поверхности, и так оно и происходит... Залезай!

Испанец повиновался скрипя зубами и при этом язвительно добавил:

– А что, если кто-то плывет-плывет да вдруг тонет?

– Значит, он перестал полагаться на Божьи законы и Бог его наказал.

Инка уже успел отвязать лодку, и она заскользила по воде, толкаемая легким потоком речушки, так что не прошло и несколько секунд, как они оказались метрах в ста от тростника.

Только тогда Алонсо де Молина обратил внимание на то, что судно не располагает рулем и на борту что-то не видно ничего похожего на весла.

– И как же этой штукой управлять? – растерянно спросил он.

Его спутник обернулся и хмуро взглянул на него:

– Я думал, ты знаешь, как это делается, – едко заметил он.

– При условии, если есть чем. Как это делают рыбаки?

– Когда они находятся близко от берега, используют шест, а когда далеко – парус.

– Ну так здесь нет ни шеста, ни паруса.

Они долго глядели друг на друга, а плот уплывал все дальше и дальше в глубь озера, которое было как огромное голубое зеркало, отражающее снежные вершины высоких гор, и лучи находившегося в зените солнца, падая отвесно, прожигали мозг.

Испанец невольно улыбнулся, вспомнив Писарро.

– Хотелось бы мне посмотреть на капитана Писарро в таком вот положении. У него никогда не было чувства юмора. Он бы упрекал Небо за свою горькую судьбу и просил бы провидение объяснить причину подобной жестокости.

– Никто не имеет права жаловаться на свои собственные ошибки. Я же тебе говорил, что нам следовало найти рыбака.

– Давай не будем спорить. С помощью меча и аркебузы мы можем соорудить парус, только моего пончо будет мало. Придется воспользоваться твоей туникой.

– Уж не хочешь ли ты сказать, чтобы я разделся?

– Выбирай: либо придется раздеться, либо мы проведем остаток жизни посреди этого озера. А я начинаю испытывать голод.

Туземец колебался и, казалось, сейчас ответит отказом, но в итоге он нехотя снял одежду и отдал андалузцу, который соорудил некое подобие паруса.

Однако результат оказался не таким, как ожидалось, потому что странное судно, лишенное руля и килля, лишь кружилось на месте или же моталось то туда, то сюда под воздействием редких порывов своевольного ветра, которые прилетали со всех сторон.

Наступление вечера застало их все за тем же занятием: они продолжали бороться, обливаясь потом и переругиваясь в бесплодной попытке добраться до берега. И уже начали свыкаться с пугающей перспективой провести всю ночь посреди озера, страдая от невыносимого холода, как тут неожиданно Чабча Пуси властно махнул рукой, приказывая замереть, и, внимательно посмотрев вокруг, в ужас пробормотал:

– О, нет!.. Не может быть... Только не это!

Алонсо де Молина проследил в направлении его взгляда и не заметил ничего странного, хотя что-то необычное все-таки происходило: словно все в мире неожиданно прекратило двигаться и затаило дыхание, а вселенная на несколько секунд замедлила свой ход.

– Что происходит?

И получил ответ: плот взмыл вверх на семь или восемь метров, словно поднятый какой-то гигантской рукой, – и в то же мгновение опустился на воду, как на ярмарочной горке; спокойная до этого момента гладь голубого озера, отражавшая снежные вершины, превратилась в огромный ковер, который кто-то встряхивал, забавляясь: держа за один конец, вызывал высокие волны, которые катились с севера на юг, извиваясь, словно обезумевшая чудовищная змея.

Изо всех сил вцепившись в тростник и в отчаянии прижимая к себе оружие, они взмывали вверх и проваливались вниз с тоскливым ощущением пустоты в желудке, сознавая свою полную и абсолютную беспомощность перед дикой яростью разбушевавшейся Природы.

В самой глубине Земли возник оглушительный грохот, туча пыли взметнулась к небу, заволакивая его, и в течение нескольких секунд (капитану Алонсо де Молине, немало повидавшему на своем веку, они показались вечностью) царил абсолютный хаос.

Так же резко, как все началось, все неожиданно успокоилось. Земля перестала ходить ходуном, однако по воде все еще бежали волны, словно в стихающем ритме танца; вал дока-

тился до берега, накрыв заросли тростника, вторгся внутрь равнины и в итоге мягко опустил плот на землю в километре от естественного берега обширного озера.

Когда вода схлынула обратно в свои пределы, испанец и инка внезапно обнаружили, что они сидят, оторопело глядя друг на друга, на плоту из тоторы, а тот будто плывет по суше посреди равнины.

– Землетрясение... – пробормотал Чабча Пуси, вроде как извиняясь.

– Страна сумасшедших! – взорвался испанец. – Все сумасшедшие... – Он спрыгнул на землю и осмотрел плот, который оказался целым и невредимым. Было совершенно очевидно, что после подобных встрясок от деревянной лодки осталась бы груда щепок. – Ну что, идем?

Они вновь двинулись в путь, держа курс на юг, ощущая, как время от времени земля вздрагивает у них под ногами, словно огромный зверь, который никак не может отдышаться, обессилев после страшного напряжения.

– Это продлится несколько дней... – заметил курака после очередного толчка, который чуть было не опрокинул их на землю. – И вполне возможно, что самый сильный толчок еще не произошел. Жрецы о нем предупреждали, но все произошло на сорок дней раньше.

– Они могут предсказывать землетрясения? – заинтересовался андалузец. – Но каким образом?

– Читая по внутренностям ламы, которой только что перерезали горло.

– А, понятно!.. Суеверия!.. Несомненно, что у вас на каждый случай имеется закон и суеверие. Без них вы словно дети, заблудившиеся в лесу.

– Они составляют суть нашего народа и нашей истории. В них заключен опыт прошлого.

– Страшно подумать, как будет реагировать народ, который опирается лишь на опыт прошлого, когда вдруг окажется в новой ситуации, не предусмотренной законами или традициями.

– Все предусмотрено. Ничего никогда не бывает абсолютно новым.

– Ясно, что ты не знаком с капитаном Писарро. Вот уж от кого можно ждать чего угодно.

– Ты часто о нем говоришь. Он что, твой друг?

– Он мой начальник. Кровожадный зверь с золотым сердцем. Человек, которого хочется придушить, а на следующий день ты его обожаешь; жестокий и эгоистичный старик, которого презираешь все то время, когда не восхищаешься, и который похож на шлюху из таверны, которая изменит тебе с кем угодно, однако наедине заставляет чувствовать тебя богом и единственным мужчиной в ее жизни.

– Он делает тебя счастливым в постели?

Испанец вздрогнул, выхватил меч и одним взмахом отсек бы инке голову, если бы тот не кинулся наутек.

– Что ты несешь, мерзавец? – в ярости воскликнул испанец. – Как ты смеешь?..

Чабча Пуси остановился в пятнадцати метрах и протянул руки, желая его успокоить.

– погоди! – взмолился он. – Не кипятись. Я не хотел тебя оскорбить.

– Как это не хотел оскорбить? – кипятился Молина. – Ты только что спросил, не сплю ли я с Писарро. Кто я, по-твоему? Грязный педераст?

– Ты говорил о нем с таким чувством и воодушевлением! С ненавистью и одновременно с любовью, как обычно говорят о любимой женщине.

– Пошел ты в ад, проклятый пособник демонов! Заруби себе на носу: еще один подобный намек – и ты покойник. У нас в стране содомский грех карается отрезанием виновным тестикул, которые заталкивают им в рот, затем подвешивают вниз головой и оставляют истекать кровью. Ясно?

– Яснее некуда... Но скажи-ка: вы это делаете по закону, по традиции или только из суеверия?

Ночевали они в заброшенной хижине, и, хотя по вине землетрясения глиняные стены треснули, а кровля частично обвалилась, они были готовы пойти на любой риск, лишь бы не умереть от холода посреди пуны.

Из недр земли то и дело доносилось рычание, ее била дрожь, словно больного в приступе горячки, не давая никому вздремнуть хотя бы час; она сдерживала силу, затаивалась, но ждала возможности нанести удар, когда все решат, что наконец она успокоилась.

Чабча Пуси казался другим человеком. Его и без того слишком сухощавое и пепельное лицо за ночь превратилось в подобие окаменевшей посмертной маски, и, когда, сидя в углу, инка закрыл глаза и затянул какую-то монотонную песню, без конца ее повторяя, у капитана Алонсо де Молины возникло такое чувство, будто он присутствует на отпевании, где играет одновременно роль покойника и свидетеля.

Земля под ногами продолжала содрогаться, и, ощущая ладонями безмерную силу, которую она в себе таила, он как никогда ясно осознал, насколько бесконечно мал человек по сравнению с грандиозностью Природы и абсолютно беспомощен: только и остается, как с замиранием сердца ждать, что решит Провидение относительно твоей судьбы.

– Пачакамак сердится³⁰, – уверенно объявил курака. – И я спрашиваю себя, а не голоса ли твоей свирели пробудили его от долгого сна.

– Оставь эти глупости! – ответил Молина. – Боги тут не при чем. Это всего-навсего землетрясение: я пережил уже четыре, с тех пор как прибыл в этот Новый Свет, который, как видно, находится в процессе создания... Единственное отличие состоит в том, что здесь оно длится дольше.

– Когда я был ребенком, землетрясение разрушило мой дом, – очень тихо проговорил инка. – Все погибли.

И тут он погрузился в свое непрерывное монотонное пение, оставив андалузца наедине с его черными мыслями.

Вот оттуда начинается путь в Панаму, чтобы навеки погрязнуть в нищете и бесчестии... А вот тут – в неизведанное, к новым страданиям или же завоеванию новых земель, к славе и богатству. Пусть каждый выберет, как подобает доброму кастильцу, что ему больше по душе...

Он опять вспомнил слова Писарро и призадумался: к какой такой славе или богатству приведет его путь, который он выбрал, когда свалил дурака и переступил черту – ту самую, что отметил на песке старый пройдоха.

И вот теперь он сидит здесь, на крыше мира, в глухую ночь, холодный, голодный и напуганный. Он забрался в такую даль от дома и от семьи – дальше некуда, а напротив него – чудак, который надеется укротить гнев бога Пачакамака пением какой-то бессмыслицы, – а все оно, глупое любопытство, это оно завело его в эту абсурдную страну. Спрашивается, что он тут потерял?

И не нашел ответа.

А по сути... Какое это имеет значение?

Он вновь вспомнил Марко Поло и решил, что, пожалуй, ему хотелось бы однажды вернуться в родную Убеду и засесть – уже будучи стариком – за описание своих приключений в землях Великого Инки в компании сурового, вечно хмурого кураки. Поскорее бы оказаться в Куско и проверить, правда ли то, что рассказывали о тамошних дворцах из золота, не уступающих великолепию двора Великого Могола. Его грела мысль о том, что, благодаря его рассказам, Европа узнает о странных обычаях страны, где все – за исключением личной свободы – прекрасно отрегулировано. Возможно, если повезет, он, Алонсо де Молина, войдет в Историю

³⁰ Пачакамак – в инкской мифологии бог огня и землетрясений, создавший мир и существа, которые в нем обитают.

так же, как наверняка войдет в нее отважный венецианский купец, хотя ни о ком из них нельзя будет сказать, что они это сделали ради наживы: ведь единственное, что подтолкнуло его к знакомству с новыми краями, – это дух приключений.

Следующий толчок оказался еще сильнее. Прогрохотало глубже, и от стены с шумом отвалился кусок глины, засыпав обломками подол спавшего Чабчи Пуси, и тот очнулся.

– Я видел твоего господина Писарро, – сказал он. – Он был в металлических одеждах с головы до ног и восседал на огромном звере, который изрыгал из пасти пену и огонь... Вид его был еще более ужасающий, чем у самого Супая.

– Любой демон мог бы многому научиться у Писарро. И не только тому, что касается внешнего вида.

– Он принесет много вреда.

– Он это умеет делать.

– А сколько у него войск?

– Войск? – Молина не удержался от ироничной улыбки. – Последний раз, когда я его видел, у него под началом было четырнадцать человек, но, скорее всего, большинство из них уже его покинуло. У него нет ничего, кроме отваги, скверного характера и огня, который сжигает его изнутри.

– Значит, он не представляет собой опасности?

Андалузец пожал плечами.

– Как посмотреть... – сказал он. – Писарро сам по себе представляет более грозную силу, чем какая-нибудь Фламандская терция³¹. Терцию можно разгромить, а вот Писарро всякий раз возрождается из пепла.

Сквозь пыль, поднимавшуюся от сотрясавшейся земли по ту сторону грязных стен, которым пока удалось устоять, начал пробиваться слабый свет. Молина выпрямился и обвел долгим взглядом мертвую равнину, представившуюся ему полем битвы, которое предпочли покинуть даже мертвые тела.

Снежные вершины исчезли, поглощенные густым туманом, и на их месте виднелось только огромное бесформенное пятно – темное и угрожающее, – которое делало безжизненную пуну еще более мрачной.

– Эта страна для меня велика, – не оборачиваясь, сказал испанец. – Все такое безмерное – в высоту, в длину и в ширину, – что я ощущаю себя ничтожеством и словно бы теряю желание бороться... Я начинаю бояться, что никогда не доберусь до Куско...

– Доберешься, – уверенно отозвался туземец. – Однако нам лучше вернуться на Королевскую дорогу, потому что, пробираясь через горы, терпя холод и голод, мы почти не продвигаемся вперед.

– А как же люди Атауальпы?

– Они мне представляются наименьшим из зол.

Андалузец был того же мнения, поэтому они вновь пустились в путь, но теперь искали большую дорогу из тесаных камней: протянувшись на тысячи километров через горы, плоскогорья, глубокие долины, густые леса и суровые пустыни, она соединяла Кито и Куско, северную и южную столицы гигантской империи.

Пуна, расположенная на высоте больше четырех тысяч метров между двумя нескончаемыми цепями параллельных гор, была покрыта повсюду, насколько хватало глаз, невысокой, неровной желтоватой растительностью, вроде пучков короткой травы, которая с трудом про-

³¹ Терция, или *испанское каре*, – самое крупное формирование испанской армии в XVI веке (с 1505 г.) и одновременно – вид боевого построения. Могла вести сражение самостоятельно, в нее входил полный комплект необходимых для этого родов войск: пикинеры, мечники, аркебузиры и мушкетеры. Почти до середины XVII века считалась непобедимой. Формировались по территориальному признаку: так, Фламандская терция (одна из наиболее крупных) была расквартирована в Испанских Нидерландах.

бывалась среди каменистых урочищ или черных валунов, заросших мхом, по которым бродили дикие стада гуанако³².

Пыль, поднявшуюся вверх при сотрясении земли, мало-помалу прибывало мелким бесшумным дождиком, который с каждым часом усиливался, и двое путников были словно две точки, затерянные в бескрайности этого величественного безмолвного пейзажа, где, казалось, никогда раньше не ступала нога человека.

– Я «сын Грома», потому что мать родила меня в грозу в горах, и мы все так и рождаемся: выходим из утробы под грохот молний, наделены даром предвидения и способностью противостоять проклятиям Супая, духа зла...

Старик – корявый и скрюченный, как корневище виноградной лозы, приготовленное для костра, – сидел на корточках в глубине огромной зловонной пещеры, а снаружи дождь лил с такой силой, что, казалось, мир вот-вот окажется во власти нового Великого потопа.

– Я знал, что ты придешь... – добавил он после непродолжительного созерцания огня. – Уже несколько лет как предзнаменования пророчат наступление эпохи рабства, которой не будет конца. Раса, начало которой положил Манко Капак, погрузится в забвение, а миром будут править демоны, которые кажутся богами... – Он прервался и взглянул ему в глаза. – Но ты этого не увидишь. Ни ты, ни другой.

– Какой другой?

– Другой Виракоча, который находится среди нас.

– Другой Виракоча? – удивился Молина. – Я не слышал ни о каком европейце, который бы до меня прибыл в эту страну.

– Ну так он существует. Я знаю, что существует.

– И где же он находится?

– Очень далеко.

– Как я могу его найти?

– Не знаю. Но я могу сделать так, что ты с ним поговоришь.

– Когда?

– Сегодня ночью.

Удивленный Алонсо де Молина повернулся к Чабче Пуси, молча наблюдавшему за происходящим.

– Что он говорит? – возмутился он. – Как я могу сегодня ночью разговаривать с кем-то, кто находится очень далеко?..

– Некоторые из «детей Грома» утверждают, что обладают сверхъестественными способностями, недоступными твоему воображению...

Испанец в нерешительности заерзал.

– Мне никогда не нравились колдовские дела, – сказал он. – И проделки шарлатанов... – Он сурово глянул на старика. – Если попытаешься меня обмануть, я покажу тебе, что моя «труба громов» может в два счета покончить с «сыном Грома».

– Угрожать смертью человеку моего возраста – это все равно, что мочиться в реку, – прозвучало в ответ. – И речному потоку ничего не прибавит, и мою печаль не приумножишь... – Он надолго замолчал, глядя на стену дождя, которая скрывала пейзаж по ту сторону входа в его пещеру, и наконец спросил: – Так хочешь или нет поговорить с другим Виракочей?

Андалузец долго смотрел на Чабчу Пуси: вид у того был как никогда отсутствующий и невозмутимый.

– Что скажешь? – спросил Молина.

– Не хочу ничего говорить.

³² Гуанако – животное семейства верблюдовых, предок одомашненной ламы.

– Почему?

– Никто не должен никому давать советов в подобном деле. Ты один несешь ответственность за свои поступки.

В тоне его голоса было что-то такое, от чего беспокойство Молины возросло, и он хотел было решительно отклонить предложение странного старика, однако любопытство вновь одержало верх, и, не желая упускать возможность спустя столько времени пообщаться с представителем своей расы, он слегка кивнул головой в знак согласия.

– Ладно! – сказал он. – Сделай так, чтобы я с ним поговорил, кто бы это ни был...

– Надо подождать, когда он уснет, – заметил старик. – Как только он уснет, его дух освободится и прилетит к нам.

Они стали ждать. Наступила ночь, дождь прекратился, теперь равнина оказалась во власти завывающего ветра, а внутри пещеры было слышно лишь легкое потрескивание огня; никто не осмеливался даже пошевелиться.

«Сын Грома» дремал. Он сидел абсолютно неподвижно, привалившись к стене, вблизи дымившегося костра, который отбрасывал тени на его изборожденное морщинами лицо, и был где-то очень далеко. И вот, уже ближе к рассвету, он встрепенулся, широко раскрыл рот, и из глубины его гортани раздался еле слышный голос, который прошептал на чистом кастильском языке:

– Кто ты такой?

Алонсо де Молина, который успел задремать, вдруг почувствовал, как какая-то ледяная рука сжала ему горло, прерывая дыхание, и он не мог проронить ни звука – лишь глядел, выпучив глаза, на этот беззубый неподвижный рот, из которого вновь раздался тот же вопрос:

– Кто ты такой? Почему ты меня ищешь?

– Я капитан Алонсо де Молина, – наконец сумел выдать он. – А ты кто?

– Капитан!.. – повторил голос. – Капитан!.. Помогите мне!..

– Кто ты такой?

– Ради Бога!.. – вновь взмолился жалобный голос. – Помогите мне!..

– Но кто ты такой?..

– Гусман Боканегра... Разве вы меня не помните...

– Боканегра!.. – изумленно повторил андалузец. – Это невозможно! Ты же утонул в море...

Он вдруг провалился в глубокую пропасть, утратил понятие времени и пространства, перенесся в свои воспоминания и вновь вернулся к четкому сознанию окружающей реальности лишь тогда, когда солнце встало уже высоко, а Чабча Пуси тряс его за плечо:

– Просыпайся! – приговаривал курака. – Просыпайся же!.. Мы не можем терять целый день пути.

Испанец не сразу сообразил, где находится, и, обнаружив, что в пещере никого больше нет, спросил, указывая на место возле костра:

– Где он?

– Рано утром ушел в горы.

– А что это было?

– Видно, он что-то такое кинул в огонь, и это нас усыпило. Колдовские трюки.

– А ты слышал?

– Что?

– То, что он сказал... Он говорил на моем языке.

– Я ничего не слышал. Наверно, спал... А что он сказал?

– Он просил меня о помощи... Уверял, что он Гусман Боканегра и умолял меня помочь.

– А кто такой Гусман Боканегра?

– Один матрос... Когда мы плыли вдоль берега, то зашли далеко на юг, и только уже потом, на обратном пути, я решил сойти на берег в Тумбесе... Но за неделю до этого один полубезумный матрос, Гусман Боканегра, бросился ночью в воду. Это был печальный человек, меланхолик, и мы решили, что он покончил с собой.

– Может, он добрался до берега вплавь.

– Мы находились очень далеко. Невозможно себе представить, чтобы он смог выжить.

– Ты уверен, что это он разговаривал с тобой?

– Как я могу быть уверен?.. Не думаю, что я перебросился с ним и десятком слов. Это был крупный мужчина, с унылой физиономией и безумным взглядом; его угнетало отсутствие женщин. Бывало, он бился головой о переборку, а потом погружался в глубокую депрессию. Никто не выказал сожаления по поводу его исчезновения.

– Почему он просил тебя о помощи? – поинтересовался курака.

– Не имею никакого представления... А ты как думаешь?

– Я же тебе говорил, что не хочу высказываться по поводу этого дела, – сухо прозвучало в ответ. – Я с детства привык не доверять «детям Грома». Это странные люди, от них одни неприятности... Забудь это дело!

– А Гусман Боканегра?

– Он наверняка погиб в море.

– А как же он со мной разговаривал?

– Возможно, тебе приснилось, что он с тобой разговаривал, потому что он единственный человек твоей расы, возвращения которого ты не видел... – Он протянул андалузцу руку, чтобы помочь ему встать. – А теперь идем; Королевская дорога уже близко...

На андалузца еще в самом начале произвело впечатление это инженерное сооружение: дорога, на которой могли бы разъехаться, не задев друг друга, две большие повозки; огромные каменные плиты были подогнаны с математической точностью, образуя абсолютно ровное покрытие, если не считать удобных ступеней, которые кое-где помогали преодолеть перепады высот.

Он прикинул, с какой скоростью сможет передвигаться по этим замечательным дорогам, ведущим в самое сердце Империи, армия с кавалерией и быстрой пехотой, и пришел к выводу, что инки, увлекшись завоеваниями, совершенно забыли про оборону.

Уверенные в своем абсолютном превосходстве над народами, обитавшими за пределами широких границ, они и подумать не могли, что однажды к ним нагрянет, переплыв океан, сильный неприятель, а они таким образом обеспечили ему свободный доступ в страну, которая без этих дорог была бы абсолютно неприступной.

Никто не стал бы мечтать о покорении империи, в которой что ни река, пропасть или гора – то непреодолимая преграда, не будь такого бесценного подспорья, как эти дороги, которые на протяжении лет – а то и веков – преодолевали неисчислимы барьеры рельефа, лишённого чувства меры.

«Чувство превосходства, как правило, является главным врагом могущественного, – всегда уверял Писарро. – А самоуверенность – самая большая слабость сильного... Пускай твой враг тебя презирает, а ты сам предельно воспользуйся возможностью, которую рано или поздно он тебе предоставит...»

Если эстремадурец когда-нибудь сюда вернется, Королевская дорога наверняка станет той самой возможностью, которой хитрец сумеет воспользоваться, хотя маловероятно – если принять во внимание его возраст, а также физическое и материальное состояние, в котором андалузец его оставил, – что старому капитану хватит пороха начать новую авантюру.

Но ведь есть и другие: Орельяна³³, де Сото³⁴, Альмагро³⁵ или Альварадо. Лет им меньше лет, чем Писарро, а отваги – столько же; рано или поздно, кто-нибудь из них бросит якорь в Тумбесе, высадит войска и с неукротимой воинственностью, которая ему, Молине, так хорошо знакома, приступит к штурму сей огромной природной твердыни, ведь крепость без ворот – это не крепость, и бастион с такими фантастическими дорогами больше не может считаться неприступным.

Во второй половине дня они приблизились к своего рода крохотному оазису, расположенному на краю спокойного озера, защищенного от северных ветров высокими стенами; посреди него высилось каменное здание, соединенное с берегом веревочным мостом.

– Это храм, посвященный Пачакамаку, «Тому, кто приводит в движение мир», – пояснил Чабча Пуси. – Когда бог злится и трясет головой, происходят землетрясения... Возможно, его задело, что по прибытии ты не засвидетельствовал ему своего почтения. Неплохо бы тебе нанести визит его жрецам и попросить у них содействия, чтобы благополучно продолжить наш путь.

– А они нас покормят?

– Это единственное, о чем ты думаешь? – воскликнул явно раздосадованный курака. – Неужели мои боги заслуживают так мало уважения, ведь ты мог убедиться, насколько они могущественны?..

– Никакое могущество не поможет, если я умру от голода... – шутливо ответил Молина. – Ладно, не сердись!.. Давай навестим твоего бога Пачакамака и попросим, чтобы он какое-то время не заставлял землю плясать...

Они начали переходить по веревочному мостику, но, дойдя до его середины, испанец, который шел первым, застыл от удивления. В дверях храма появились три человеческие фигуры, и, хотя это вроде как были трое мужчин или, скорее, трое красивых стройных юношей, они нацепили на себя такое количество перьев и бус да еще и расхаживали в женских одеяниях, что и правда являли собой нелепое, даже дикое зрелище.

– Содомиты! – воскликнул Алонсо де Молина и, попятившись, натолкнулся на кураку, из-за чего хилый мостик начал раскачиваться, угрожая опрокинуть их в воду. – Черт побери, это же содомиты!

Он попытался обойти Чабчу Пуси, стремясь как можно быстрее вернуться на берег, однако тот преградил ему дорогу, с силой вцепившись в перила.

– Они не собираются тебя насилловать... – сказал он. – Это жрецы, они очень гостеприимны, воспитаны и обучены скрашивать жизнь мужчин. Они умеют танцевать, петь, готовить пищу, рассказывать замечательные истории... – Он хмыкнул. – Помимо всего прочего.

– Дегенераты! – сквозь зубы процедил андалузец. – Вы просто сборище дегенератов: допускаете отношения с животными и между мужчинами... Знаешь, как поступил с содомитами капитан Бальбоа?.. Бросил их псам³⁶, которые в первую очередь отгрызли им то, чем они больше всего согрешили.

– Какое зверство!.. – поразился туземец. – По какому праву он позволил себе вмешаться в решения богов? Если Природа сотворила их такими, стало быть, у нее были на то причины, и ни один капитан не может их осуждать... Пошли! Я тебе обещаю настоящий пир.

³³ Франсиско де Орельяна (1511–1546) – испанский путешественник и конкистадор, первооткрыватель Амазонки. Участвовал в завоевании Перу вместе с Франсиско Писарро.

³⁴ Эрнандо де Сото (1495–1542) – испанский мореплаватель и конкистадор. Принимал участие в завоевании Перу вместе с Франсиско Писарро. Впоследствии возглавил первую завоевательную экспедицию к северу от Мексики.

³⁵ Диего де Альмагро (1475–1538) – испанский путешественник и конкистадор, участник завоевания Перу. Считается первооткрывателем Чили.

³⁶ Конкистадоры использовали военных собак во время сражений и для насильственных актов против местного населения. Известно, в частности, что Васко Нуньес де Бальбоа в бытность губернатором Дарьена использовал собак для запугивания индейцев.

Пир им, и правда, устроили, и тут испанец впервые осознал, до какой степени этот странный народ мог быть утонченным и культурным, потому что при общении с женоподобными жрецами возникала мысль, что они являют собой живой пример всего хорошего, что было накоплено за несколько столетий. Молодые люди могли поддержать беседу об астрономии, архитектуре, музыке, керамике, любви, географии и прежде всего истории, поскольку все они так и сыпали фактами, именами и самыми важными датами прошлого инков, начиная с того самого дня, когда Манко Капак основал город Куско и положил начало роду Детей Солнца.

Содомиты – временами казалось невероятным, что это не настоящие женщины, – вели себя абсолютно деликатно и естественно, как люди, которые считают себя настоящими женщинами. С самого первого мгновения они почувствовали такое же влечение к мужчине могучего телосложения, переступившему их порог, как любая из девушек, которых Алонсо де Молина встретил во время своего долгого путешествия по этой суровой стране. Страх, который поначалу, по-видимому, внушала им густая борода, грубый и громкий голос и тяжелые доспехи «человека-бога», вскоре уступил место плохо скрываемому желанию задержать взгляд на огромных руках, сильных плечах или выпуклости в паху, и между ними возникло шуточное соревнование за то, кому удастся привлечь к себе внимание чужестранца.

Угощений было столько и они были так превосходно приправлены, и сопровождались изумительной чичей, которая слегка ударяла в голову, что по завершении обильного обеда Алонсо де Молина не сдержался и громко выпустил ветры, из-за чего почтительные поклонники от неожиданности выронили все из рук, взглянули на него со смесью ужаса и недоверия, вспыхнули и поспешно покинули помещение, истерически вскрикивая.

Испанец с удивлением повернулся к Чабче Пуси.

– Что случилось? – поинтересовался он. – Подумаешь, пукнул.

Инка – было заметно, что он тоже чувствует себя несколько неудобно – развел руками, показывая, что ему нечего сказать, и в то же время сказал этим все.

– У нас... и особенно среди людей их класса, это считается худшим проявлением невоспитанности человека. И демонстрацией полного неуважения к тем, кто составляет тебе компанию. Член королевской семьи приказал бы забить тебя камнями.

– У меня получилось нечаянно.

– Полагаю, что это так... Но тебе следовало бы следить за собой. Особенно в их присутствии.

– Клянусь тебе, я это сделал без злого умысла и уж тем более не собирался выгонять за дверь, однако, принимая во внимание результат, это, несомненно, отличный способ защиты, если что...

– Они тебя никогда не побеспокоят, если ты сам не будешь искать их общества. Они прекрасно знают свое место и с детства были обучены во всем угождать мужчине.

Испанец долго глядел на него и в конце концов не удержался и высказал мысль, которая не давала ему покоя:

– Скажи-ка мне вот что... – начал он. – Они на самом деле родились такими или их вынудили такими стать?

– Некоторые рождаются... – нехотя признал курака. – Других такими делают... Ищут среди крестьянских детей самых красивых мальчиков и лет с четырех-пяти начинают готовить их к тому, чтобы они могли удовлетворять определенные желания некоторых членов королевской семьи... Когда они достигают полового созревания, правитель региона совершает обряд посвящения в день праздника бога, которому они будут служить.

– Даже если они этого не желают?

– Я вижу, что ты так и не отказался от вредной привычки беспокоиться о том, что отдельный человек может желать или не желать. Ты все еще не понял, что здесь имеет значение лишь воля Инки. Мы все – абсолютно все – послушны его закону, который происходит от

Бога Солнца, и только он способен решать, что подходит каждому. Если он устанавливает, что какие-то определенные дети должны замещать женщин в некоторых делах, никто не подвергает это сомнению. Тем более сам избранный: ведь из жалкого крестьянина он становится привилегированным жрецом, пользующимся почетом и уважением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.